

121
12

84

12р. 91 V 35.5129/8
Г.П. МАКОГОНЕНКО

**«КАПИТАНСКАЯ
ДОЧКА»
А.С. ПУШКИНА**

Нововолодарь Ц. Б.
ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ

41804

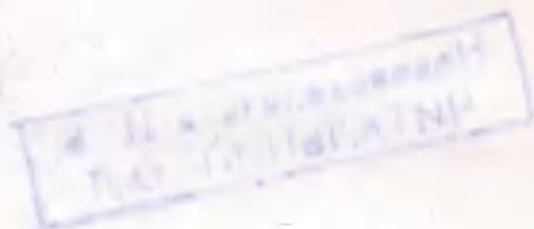
Ленинградская область
Нововолодарь
Библиотека

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение

1977

8P1
М 16

Оформление художника

Н. МИХАЙЛОВА

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

М $\frac{70202-080}{028(01)-77}$ БЗ-4-30-1977

ОТ АВТОРА

Работа над «Капитанской дочкой» завершилась 19 октября 1836 года. Вчерне роман был написан еще 23 июля. Но затем Пушкин занялся его перепиской, внося необходимые поправки и уточнения. Последние страницы готовились к печати именно в этот знаменательный для Пушкина юбилейный день — исполнилось двадцать пять лет со дня открытия Лицея.

Пушкин собирался печатать роман в четвертом номере своего журнала «Современник». 11 ноября 1836 года цензура подписала его к изданию. Как раз в эти месяцы Пушкин подвергался травле и был втянут в гнусную интригу, цель которой — надругательство над честью поэта.

22 декабря 1836 года журнал «Современник» с романом «Капитанская дочка» вышел в свет. До гибели Пушкина оставалось 38 дней.

27 января состоялась дуэль Пушкина с Дантесом. Преследование поэта кончилось его убийством — 29 января Пушкин умер от полученной смертельной раны. «Капитанская дочка» оказалась последним произведением, напечатанным при его жизни.

Как и когда возник замысел этого романа? Как шла работа над ним? Почему роман о трагической борьбе народа за свою свободу стал своеобразным завещанием Пушкина?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ЗАМЫСЛА РОМАНА

Тема свободы — важнейшая в творчестве Пушкина. Она была поставлена перед ним самой русской жизнью, обострившимися из десятилетия в десятилетие социальными противоречиями, постоянными выступлениями крепостных против своих мучителей помещиков.

Уже в начале века, сразу после Отечественной войны, с новой силой встал вопрос о ликвидации рабства в России. На этот раз решение его взяла на себя фаланга героев, сотни мужественных революционных деятелей — лучших людей из дворян. Выступление дворянских революционеров определило первый этап русского освободительного движения. Пушкин вышел из среды этого движения. В юности он увлеченно осваивал идеи дворянской революционности, а в последующем своим творчеством способствовал их развитию и распространению, воспитанию младших «товарищей и братьев».

Но декабризму присуще непреодолимое противоречие: дворянские революционеры были не только «страшно далеки от народа», — они и боялись его, его социальной активности прежде всего. Действуя одиноко, они отважно брали на себя историческую миссию спасения отечества от деспотизма царской власти.

Преодоление романтизма позволяло Пушкину познавать объективный смысл законов исторического развития общества, способствовало выяснению истинной роли народа в историческом процессе. Важнейшей оказывалась проблема взаимоотношения личности и народа. Кто активная сила истории, определяющая ход ее событий, — отдельный человек или народ? Является

ли народ только жертвой обстоятельств, ждущей милости от сильной и благородной личности, или именно народ творит историю и личность только тогда оказывается способной к большому и плодотворному действию, когда связана с народом и выражает его волю?

Изучение русской истории обусловило написание в 1825 году трагедии «Борис Годунов», в которой, накануне дворянской революции, поэт судит самодержавие не с позиций одиночки-свободолюбца, а судом народа. Своей трагедией Пушкин отвергал декабристский путь к свободе. Опыт истории убедительно свидетельствовал, что никакая сильная, даже исполненная благородства и мужества, личность не сможет изменить ход исторических событий без связи с народом и без его поддержки. История помогала понимать насущные проблемы современности.

Летом того же года Пушкин пишет стихотворение «Андрей Шенье». Анализируя события французской революции 1789 года, поэт выражает веру в созидательную энергию народа, в его свободолюбие. «Народ, вкушивший раз твой нектар освященный (то есть свободу. — Г. М.), Всё ищет вновь упиться им... Так — он найдет тебя. Под сению равенства В объятиях твоих он сладко отдохнет...»

14 декабря 1825 года было наивысшим моментом декабристского движения и началом его конца. Явно и вдруг в грозном зареве разгромленного движения обнаружился полный разрыв России национальной (народной) и «России европеизированной», как позже раскроет смысл событий дворянской революции Герцен. Разрыв породил кризис идеологии дворянской революционности. Первый этап освободительного движения вступил в трагическую фазу своей истории. Пушкин верил в неминуемое торжество свободы; ему было ясно, что если она будет завоевана, то только в борьбе. Какие условия и обстоятельства нужны для того, чтобы избежать поражения, Пушкин еще не знал. Опыт подсказывал ему, что, видимо, путь к этой победе связан с преодолением разрыва лучших людей из дворянства с народом.

Поискам ответа на эти вопросы помогали политические события начала тридцатых годов (французская революция 1830 года, холерные бунты в России, восстания военных поселений в Новгороде и Старой Рус-

се) и новые обращения поэта к истории. Пушкин начинает заниматься изучением французской революции 1789 года, готовясь написать ее историю: исторический опыт должен был помочь понять современные проблемы. Но, отложив эту работу, Пушкин обратился к отечественной истории.

И здесь история как бы подсказала Пушкину неожиданный сюжет, который, казалось, помогал решению проблемы, так остро поставленной восстанием, потерпевшим поражение. 17 февраля 1832 года Пушкину доставили подарок императора Николая I — «книгу» — многотомное «Полное собрание законов Российской империи», — присланную в помощь его занятиям историей Петра I. В двадцатом томе поэт обнаружил множество материалов, связанных с восстанием Пугачева: манифесты Екатерины II, ее именные указы, «наставления», а также сенатские указы, заполненные материалами судебных разбирательств дел плененных мятежников — Пугачева и его товарищей. Среди этих официальных документов особое внимание Пушкина привлекла «Сентенция 1775 года января 10. О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. С присоединением объявления прощаемым преступникам».

В «Сентенции» довольно подробно рассказывалось о ходе восстания и его участниках. Там-то и обнаружил Пушкин неожиданное и взволновавшее его сообщение о дворянине, перешедшем на сторону Пугачева: среди подлежащих наказанию была названа фамилия «подпоручика Михайлы Швановича». Сенатское решение определяло: «...за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя пад ним шпагу...»

Мысль, интересовавшая Пушкина, была подтверждена историческим фактом — дворянин из «хорошего», то есть родового, дворянства перешел на сторону Пугачева и участвовал в народном восстании. Тогда-то и возник замысел исторического произведения (повести? романа?) о дворянине-пугачевце. В той же «Сентенции» упоминалось имя казака Афанасия Перфильева, который прибыл в Петербург в 1773 году как посланец

яицких казаков для передачи прошения о снятии с них денежного штрафа за мятеж, поднятый ими в 1772 году. Во время пребывания Перфильева в столице под Оренбургом появился Пугачев. Правительство вступило в переговоры с Перфильевым, чтобы он помог арестовать Пугачева. Уехав на Урал, Перфильев перешел на сторону восставших, сделавшись вскоре одним из активных руководителей восстания и «главнейшим любимцем Пугачева».

Пребывание одного из будущих сподвижников Пугачева в Петербурге подсказало Пушкину сюжетную связь Швановича с Перфильевым: появился первый план произведения о дворянине-пугачевце, записанный Пушкиным летом 1832 года: «Кулачный бой — Шванвичь — Перфильев — Перфильев, купец — Шванвичь за буйство сослан в деревню — встречает Перфильева»¹.

Первый план не стал основой задуманного произведения — явно не доставало фактического материала. Но Пушкин продолжал размышлять о Шванвиче; его больше всего беспокоило обоснование перехода дворянина на сторону Пугачева, и в сентябре 1832 года он записывает новый план.

Характерная особенность этого плана — перенесение событий в провинцию, в края, близкие к месту восстания. Это позволяло описать встречу молодого Шванвича с восставшими: «Шванвичь встречает разбойника вожатого — вступает к Пугачеву». Мотивируется и переход — протест Шванвича против произвола воеводы, который хочет насильно выдать замуж дочь за нелюбимого человека. Шванвич, перейдя к Пугачеву, «предводительствует шайкой, является к Марье Ал. — спасает семейство и всех».

Но и по новому плану работа над романом не была начата — этому помешали неожиданные обстоятельства. В сентябре Пушкин уехал в Москву, где, встретившись со своим приятелем Нащокиным, рассказал ему о новом замысле. Нащокин, со своей стороны, познакомил друга с известной ему историей белорусского

¹ Новая датировка планов задуманного романа установлена Н. Н. Петруниной. См. ее статью «У истоков „Капитанской дочки“» в книге: Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974.

дворянина Островского, у которого богатый сосед беззаконно «отсудил» землю. Островский, в ответ на обиду, возглавил оставшихся с ним крестьян и принялся мстить окружающим помещикам и чиновникам. Сюжет этот заинтересовал Пушкина — он убедительно раскрывал общность интересов обиженного и оскорбленного властью дворянина Островского и его крепостных. В октябре Пушкин уже приступил к написанию романа «Дубровский». И сюжет о Шванвиче был отложен. Но не забыт.

Работая над «Дубровским», Пушкин вновь вернулся к замыслу о дворянине-пугачевце и 31 января 1833 года составил новый план: «Шванвич за буйство сослан в гарнизон. Степная крепость — подступает Пуг[ачев] — Шв. предает ему крепость — взятие крепости — Шв. делается сообщником Пугачева. — Ведет свое отделение в Нижний — Спасает соседа отца своего — Чика между тем чуть было не повесил стар[ого] Шванвича — Шв. привозит сына в Пб. Орлов спрашивает его прощение».

Но к работе Пушкин не приступал; он понимал, что достаточного фактического материала о восстании у него не было: он не знал, как и почему исторический Шванович перешел на сторону Пугачева, чем был обусловлен этот в высшей степени знаменательный факт. Возникла необходимость тщательного изучения документов восстания.

В первых числах февраля 1833 года Пушкин обращается с просьбой к военному министру А. И. Чернышеву разрешить ему познакомиться в архивах военного министерства с документами второй половины XVIII века. Первые материалы из канцелярии Чернышева Пушкин получил в конце февраля. Изучение их позволило внести существенные изменения в замысел романа о дворянине-пугачевце.

Во-первых, пришлось отказаться от изображения Шванвича: никаких новых сведений о нем в делах не было. Во-вторых, документы военного министерства открыли Пушкину совершенно неожиданные явления: оказывается, случай перехода Шванвича на сторону Пугачева не был единичным — переходили многие дворяне-офицеры, но, как правило, это происходило после того, как они попадали в плен. Их служение

Пугачеву было временным, а присяга — уловкой: при первой возможности они возвращались в правительственные войска. Данное обстоятельство решительным образом опровергало первоначальный план Пушкина изобразить Шванвича как дворянина-пугачевца, перешедшего на сторону восставших по идейным соображениям (сдаст крепость Пугачеву, становится его «сообщником»). Впоследствии собранные материалы окончательно прояснили, кто в действительности был Шванвич: офицер, «находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву, и глупо ему служить».

В новых материалах внимание Пушкина привлекла фамилия Башарина — армейского офицера, попавшего в плен и помилованного Пугачевым по ходатайству солдат, заявивших, что «он был до них добр и в солдатских нуждах их не оставлял». Башарин служил Пугачеву. Но, верный фактам, Пушкин оставляет мысль написать историю дворянина-пугачевца. В марте 1833 года он пишет новый план, в котором место Шванвича занимает Башарин. Его биография изменяется — он, как и другие офицеры, только временно будет находиться у Пугачева и при удобном случае вернется «к своим».

Вот как выглядел новый план: «Башарин отцом своим привезен в Петербург и записан в гвардию. За шалость сослан в гарнизон. Поощрен Пугачевым при взятии крепости, произведен им в капитаны и отряжен с отдельной партией в Синбирск под начальством одного из полковников Пугачева. Он спасает отца своего, который его не узнает. Является к Михельсону, который принимает его к себе; отличается против Пугачева. Принят опять в гвардию. Является к отцу в Москву — идет с ним к Пугачеву».

Так решительно был перестроен замысел — героем становится не дворянин-пугачевец, но дворянин, случайно попавший к восставшим (плен) и временно находившийся в их рядах. Из «сообщника» герой превращается в свидетеля событий, получившего возможность наблюдать мятежников и вождя восстания Пугачева вблизи, в реальных делах и поступках общей и частной жизни. План этот уже предвещал важнейшую особенность будущего романа «Капитанская дочка».

Знакомство с непосредственными документами восстания привело не только к изменению главного конфликта будущего исторического романа, но и вызвало у автора желание исследовать все обстоятельства, связанные с этим крупным событием русской истории. Нужно было понять причины восстания, положение крепостных крестьян и казаков, политическую и социальную программу мятежников, характер их военных действий и преобразований, осуществлявшихся на обширных ими занятых территориях. Новый план требовал выяснения многих вопросов, непосредственно связанных с восстанием Пугачева, Пушкину неизвестных. Поэтому план романа пришлось вновь отложить — Пушкин с необыкновенной быстротой принялся писать «Историю Пугачева».

К 22 мая он уже закончил ее черновой вариант. В июле Пушкин попросил разрешения выехать в Казанскую и Оренбургскую губернии, мотивируя свою просьбу желанием ознакомиться с местами, которые должны быть описаны в подготавливаемом им романе. 7 августа поездка была разрешена, и Пушкин получил четырехмесячный отпуск. 18 августа он выехал из Петербурга. 1 октября, после посещения Казанской и Оренбургской губерний, Пушкин прибыл в Болдино, где и завершил работу над «Историей Пугачева».

Но и после этого Пушкин не приступил к написанию романа. Только через год, в октябре—ноябре 1834 года, или даже зимой 1834—1835 года, Пушкин записывает новый план романа. Главное в нем — отказ от Башарина, случайное участие которого в пугачевском восстании не могло быть, по мысли Пушкина, предметом изображения. Намечившаяся в плане с Башариным тенденция — сделать героя свидетелем восстания — теперь становится главной и решающей. Новый герой — Валуев — приезжает в крепость, служит, знакомится с семьей коменданта Горисова, влюбляется в его дочь Марью. Полученное известие о самозванце заставляет коменданта готовиться к обороне. Крепость осаждается, во время первого, отраженного приступа Валуев ранен. Во время второго приступа «крепость взята. Сцена виселицы [Швабрин]. Валуев взят во стан Пугачева. От него отпущен в Оренбург...»

В этом плане совершенно снята проблема перехода дворянина-офицера на сторону Пугачева. За ним сохранилась лишь функция свидетеля. Некоторые из названных в плане событий уже довольно близки к «Капитанской дочке». Но в нем совершенно не разработана линия взаимоотношений Валуева и Пугачева, и главное — никак не определена роль Пугачева в будущем романе. А исследование пугачевского восстания, проведенное Пушкиным, убеждало его, что главным в романе должно стать изображение именно Пугачева. В этой связи следует напомнить, что первоначально труд предполагалось назвать «История пугачевщины», а затем, в ходе выполнения замысла, произошло смещение акцентов, и Пушкин стал писать «Историю Пугачева».

Бытующее в пушкиноведении мнение о соотношении «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» сводится к утверждению, что «История Пугачева» вооружила Пушкина знанием конкретного фактического материала из истории восстания. В действительности значение «Истории Пугачева» к этому не сводилось: она сыграла решающую роль в окончательном формировании замысла «Капитанской дочки», в определении ее содержания и идейной концепции автора.

Изучение официальных документов, мемуарных свидетельств, манифестов Пугачева, в которых излагалась социальная и политическая программа восставших, опрос многих жителей Казанской и Оренбургской губерний, знакомство с народным восприятием Пугачева и его дела — все это помогло Пушкину понять подлинный характер социальных отношений в крепостнической России, раскрыть позицию дворянства, объяснить причину постоянно вспыхивавших крестьянских бунтов и восстаний.

Собираясь писать историю французской революции 1789 года, Пушкин прочитал основополагающие труды французских историков начала XIX века. Уместно здесь вспомнить высокую ленинскую оценку роли этих историков в развитии основ подлинно исторической науки: «И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не

признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории»¹.

Пушкин читал сочинения Гизо, Минье, Тьера, Баранта, понимал глубокий смысл их объяснения истории классовой борьбой. Социологизм мышления, связанный с овладением «ключом» к пониманию истории и современности, определял новый, более высокий этап пушкинского историзма. Именно поэтому он смог увидеть глубокий смысл восстания под руководством Пугачева, открыть для себя закономерный характер народной борьбы за свободу.

Историческая обусловленность (а потому и оправданность) восстания угнетенных — таков первый вывод, сделанный автором «Истории Пугачева». Оттого становилась ясной коренная противоположность социальных интересов крестьян («черного народа») и дворян-помещиков, непримиримость их интересов, которая и привела к расколу нации на два враждебных лагеря. В «Замечаниях о бунте», написанных после завершения работы над «Историей Пугачева», Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».

Надежда на возможность преодоления разрыва между народом и передовым (по Пушкину, «старинным», «мятежным») дворянством оказалась несостоятельной. Исследование истории восстания Пугачева убеждало, что интересы народа и дворянства «слишком противоположны» — разделяла их социальная, классовая рознь. Этот второй вывод автора «Истории Пугачева» и объясняет отказ от замысла романа о дворянине-пугачевце.

Но неожиданным и необъяснимым с позиций даже самой передовой исторической науки того времени было обнаружение поразительного факта — восстание народа не могло победить. Исторически закономерная, социально оправданная, справедливая борьба народа

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 59.

с угнетением и бесправием кончалась поражением. В «Замечаниях о бунте» Пушкин констатировал: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно». И, невзирая на это, победило правительство, потерпел поражение народ, составивший за правое дело, выбиравший в своей борьбе самые надежные средства...

Установление факта неспособности крестьянства, действующего одиноко, одержать победу в справедливой борьбе за свободу было величайшим открытием Пушкина — историка и художника. Он обнаружил на материале крупной крестьянской войны важную и трагическую особенность социальной борьбы в России. Эта особенность подтверждалась и безрезультатными жестокими восстаниями 1831 года. Но объяснить эту трагическую ситуацию Пушкин не мог: история не предоставляла к тому возможностей. Данный исторический феномен в лапидарной форме будет определен в романе «Капитанская дочка» Гриневым: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Нельзя забывать о том, что эта формула принадлежит дворянину Гриневу, не понимавшему смысла восстания и осуждавшему его, — оттого она и имеет (естественный в его устах) односторонний характер. Гринев лишь констатирует итоговый смысл открытия Пушкина: история засвидетельствовала, что народное (крестьянское) восстание в России (во Франции крестьянская борьба была возглавлена буржуазией и этот союз привел к победе революции 1789 года) беспощадно (как всякая революционная борьба) и бессмысленно, то есть безрезультатно.

Советские пушкинисты (Б. В. Томашевский, Е. Н. Купреянова) справедливо оценили исторический смысл этого открытия Пушкина, указав, что впоследствии марксизм объяснил причину неудач крестьянского восстания, не возглавленного буржуазией — на одном этапе, пролетариатом — на другом. Они указывали, что Ленин в 1899 году в «Проекте программы нашей партии» считал возможным применить формулу,

Гринева как объективно историческую характеристику крестьянской революционности¹.

Социальные и исторические выводы, сделанные в процессе исследования восстания Пугачева, обусловили важные изменения в мировоззрении Пушкина, выдвинули новые темы, заставили решительно менять принципы художественного изображения истории и современности, находить адекватные встающим проблемам поэтические средства раскрытия событий и характеров. «История Пугачева» явилась идейным и эстетическим рубежом в творческой эволюции Пушкина в тридцатые годы.

Именно потому болдинская осень 1833 года оказалась такой плодотворной: крупнейшие и программные произведения, написанные на протяжении полутора месяцев (две такие поэмы, как «Медный всадник» и «Анджело», две сказки — «О рыбаке и рыбке» и «О мертвой царевне», повесть «Пиковая дама»), знаменовали новые, качественные изменения пушкинского реализма, его дальнейшее обогащение.

Понимание социальной закономерности народной борьбы подсказывало исторически конкретное и, главное, реалистическое решение политической концепции просвещенного абсолютизма («Медный всадник» и «Анджело»). Сохранило ли в современности родовое дворянство свою роль «мятежной» силы русской истории? Поиски ответа на этот вопрос заставляли исследовать общественное поведение дворянства после 14 декабря 1825 года. В «Пиковой даме», помимо темы Германна, Пушкин ставит тему дворянства, создавая образ аристократической столицы тридцатых годов. Эта тема будет разрабатываться и в 1835 году (незавершенные повести «Египетские ночи» и «Мы проводили вечер на даче»). К этому же году относятся и заметки о дворянстве — результат новых размышлений об исторической роли русского дворянства. Думая о современном положении дворян, Пушкин записывал: «Русское дворянство что ныне значит? —

¹ Купреянова Е. Н. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л., 1947; Томашевский Б. Историзм Пушкина. — В его кн.: Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). М.—Л., 1961, с. 190.

какими способами делается дворянин, что из этого следует? Глубокое презрение к сему званию».

В 1835 году Пушкин читал «Путевые картины» Гейне во французском переводе, знакомясь с его суждениями о реакционной роли европейской аристократии, с саркастическими ее характеристиками. Гейне, например, писал: «Под словом «аристократия» я понимаю теперь не только родовую знать, но всех, кто, как бы он ни назывался, живет за счет народа». Впечатления о прочитанном, мысли о русской аристократии оказались зафиксированными Пушкиным в следующей заметке: «В других странах верят в аристократию, одни презирая ее, другие ненавидя, третьи из выгоды, тщеславия, и т. д. В России ничего подобного. В нее не верят».

Но «История Пугачева» в первую очередь определяла судьбу задуманного исторического романа. Социально оправданное, исторически закономерное восстание крепостных, кончившееся безрезультатно, отчетливо выявляло трагическую природу «русского бунта», трагизм судьбы его участников и прежде всего его руководителя. Вот почему в процессе работы над документами восстания сместился интерес Пушкина — от событий и «происшествий, довольно запутанных», к личности Пугачева.

В будущем романе — теперь это Пушкин понимал ясно — важное место займут «происшествия» из жизни главного героя, попавшего в круговорот событий крестьянской войны, о которых он расскажет как свидетель. Форма романа — записки, мемуарная исповедь дворянина-офицера, оказавшегося пленником Пугачева, — была уже решена накануне поездки в Болдино. 5 августа 1833 года Пушкин записал начало вступления к роману: «Любезный друг мой Петруша! Часто рассказывал я тебе некоторые происшествия моей жизни и замечал, что ты всегда слушал меня со вниманием, несмотря на то, что случалось мне, может быть, в сотый раз пересказывать одно. На некоторые вопросы я никогда тебе не отвечал, обещая со временем удовлетворить твоему любопытству. Ныне решился я исполнить мое обещание. Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь...»

По-прежнему Пушкин остро ощущал недостаточность материалов о Пугачеве. Когда писалась «История Пугачева», он не располагал следственным делом Пугачева и его товарищей — оно лежало запечатанным. В 1834 году, готовя издание своего труда в двух томах (в первом — авторский текст, во втором — некоторые документы), Пушкин продолжал собирать так нужные ему материалы. 1 мая он писал историку Д. Н. Бантыш-Каменскому: «...С нетерпением буду ждать биографии Пугачева, которую изволите мне обещать с такою снисходительностью». После получения новых и важных сведений Пушкин благодарил историка: «Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева. Несмотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь».

В марте 1834 года Пушкин получил от своего старинного приятеля В. В. Энгельгардта интересные сведения о Пугачеве, включенные в «Биографию секунд-майора Н. З. Повайло-Швейковского», который в звании капитана попал в плен к Пугачеву в 1773 году, бежал от него и участвовал в сражениях против восставших. После поимки Пугачева он сопровождал его на пути в Москву. В рассказе непосредственного участника событий много было ценнейших и любопытнейших подробностей о Пугачеве и особенно о последних месяцах его жизни. Оттого Пушкин внес несколько дополнений в восьмую главу во время чтения корректуры.

После напечатания «Истории Пугачева» в ноябре 1834 года Пушкин вновь обратился к своему роману (план с Валуевым написал зимой 1834—1835 года). Испытывая нужду в дополнительных сведениях о Пугачеве, он просит «распечатать» для него следственное дело Пугачева. 26 января 1835 года, посылая царю «Замечания о бунте», он писал Бенкендорфу: «При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о испрошении важной для меня милости: о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве. В свободное время я мог бы из оногo составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере для полноты моего труда, без того не

совершенного, и для успокоения исторической моей совести».

Разрешение было дано — Пушкину прислали восемь связок следственного дела. Знакомство с ними обогащало, «успокаивало историческую совесть» Пушкина, но неожиданно и огорчило его: среди множества документов не оказалось самого главного — допроса Пугачева. Пушкин вновь хлопотал, но так нужный ему документ и не был прислан.

Наконец все возможные и доступные источники были обследованы, собран большой, разнообразный и крайне важный материал. Теперь можно было приступать к работе над романом. Правда, предстояло решить сложный вопрос, как следовало исторически оценивать трагическую коллизию восстания?

Ученые уже давно заметили, что напряженный интерес Пушкина к европейской и русской истории обуславливался в конечном счете желанием найти в прошлом ключ к будущему России. Еще в 1935 году С. М. Бонди писал: «Все это дает основание заключить, что весь интерес Пушкина в 30-х годах к западно-европейской истории, его работа о французской революции, его замыслы средневековых драм связаны больше всего с его размышлениями о судьбе тех же классов в России и диктовались стремлением предугадать по аналогии возможность и характер грядущих „возмущений“»¹.

В пятидесятые годы Б. В. Томашевский неоднократно подчеркивал, что «размышления Пушкина о судьбах западного феодализма тесно связаны с разрешением вопросов о будущей революции в России»². С наибольшей остротой эти вопросы возникали при изучении восстания Пугачева. Но открытые Пушкиным особенности «русского бунта» больше всего и затрудняли понимание этого будущего.

Работая над «Историей Пугачева», Пушкин не мог не сочувствовать правому делу народа. Но он не призывал к восстанию. Увиденные поэтом особенности «русского бунта» обуславливали теперь его воззрения.

¹ См. в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 7. М. — Л., 1935, с. 650.

² Томашевский Б. Пушкин. Книга вторая, с. 187.

Чему же тогда должен был быть посвящен роман, рассказывающий о восстании Пугачева? «История Пугачева» требовала решений, которых ее автор предложить не мог. На «Историю» следовало опираться, но не повторять ее. Утверждать в художественном произведении бессмысленность борьбы народа за свою свободу — значило бы исказить историю.

Современность взывала к Пушкину-поэту, чтобы он, опираясь на художественное исследование прошлого, «догадался» о будущем России и этой догадкой поделился со всеми.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН НОВОГО ТИПА

1

Какой жанр «Капитанской дочки»? Вопрос кажется странным — автор отвечал на него и определенно, и категорически: исторический роман. Еще в 1830 году, размышляя об этом жанре, он писал: «В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании». Кажется, ясно? В самом деле, разве «Капитанская дочка» не соответствует этому пушкинскому пониманию романа? Разве в ней не раскрыта историческая эпоха народного восстания, развитая на основе вымышленного повествования?

Когда «Капитанская дочка» была написана и рукопись передана цензору, Пушкин писал ему 25 октября 1836 года: «Имя девицы Мироновой вымышленное. Роман мой основан на предании...»

И все же пушкинское определение жанра собственного произведения не принимается. «Капитанскую дочку» именуют повестью. Основание? Небольшой ее размер; традиционное же представление о романе связано с его величиной.

«Капитанскую дочку» определяют и как исторический роман того типа, который создал Вальтер Скотт (основан на обязательном любовном сюжете). Оттого и утверждается, что история любви и женитьбы главного героя Гринева составляет его содержание.

Не менее распространен взгляд, что Пушкин написал «семейную хронику», историю двух патриархальных семей — Гриневых и Мироновых. Происхождение подобного толкования «Капитанской дочки» (приня-

того многими советскими пушкинистами) крайне интересно и поучительно, и потому оно заслуживает самого пристального внимания.

Нередко можно встретить определение «Капитанской дочки» как исторического романа. Но при этом особенности и своеобразие именно пушкинского исторического романа не анализируются, не выявляются. Эпитет — исторический — толкуется лишь в том смысле, что в «Капитанской дочке» описываются не современность, а события прошлого века.

И, наконец, последняя точка зрения: форма «Капитанской дочки» — воспоминания, и потому повествование ведется от имени Гринева, а Пушкин выступает лишь как издатель его «записок». Рассмотрение мемуарной формы «Капитанской дочки» не только не помогло пониманию жанра, но еще более осложнило его изучение. Еще более потому, что при этих условиях возникает новая и, пожалуй, самая трудная проблема. В чем же ее суть? Если автор — рассказчик Гринев, то какова же в этом случае позиция другого автора — Пушкина?

Пушкиноведение противоречиво решает эту задачу. Одни полагают объявление Гринева «автором» простой мистификацией Пушкина и ссылаются на «Повести Белкина». Гринев, мол, такой же автор, как и Белкин. Другие доказывают, что недалекий, близкий по своему уместному уровню к Митрофану Простакону, Гринев просто не мог так писать, не мог поднимать значительных общественных и нравственных вопросов, которые подняты в «Капитанской дочке». Все это, говорят они, по плечу только Пушкину. Третьи предпочитают уклончивые ответы. Конечно, пишут они, необходимо доверять Пушкину и признавать авторство Гринева, но в отдельных случаях, временами, Пушкин, несомненно, использует Гринева для высказывания своих убеждений, в гриневских словах проявляются взгляды Пушкина.

Определение жанра «Капитанской дочки» должно дать исследователю ключ к пониманию романа в целом. Вот почему, несмотря на трудности, приступая к анализу пушкинского произведения, необходимо прежде всего заяться выяснением его жанра.

История возникновения концепции «Капитанской дочки» как «семейной хроники» очень поучительна. Можно с точностью установить время и причины, обусловившие ее появление. Ее выдвинул Аполлон Григорьев в 1859 году. Критик не анализировал, не рассматривал «Капитанскую дочку», но, исходя из своих почвеннических убеждений, толковал Пушкина как выразителя истинно русских идеалов, воплотившего «высшие стремления и весь дух кротости и любви...»

Пушкинский идеал, по Григорьеву, полнее всего выразился в Белкине. «Тип Ивана Петровича Белкина был почти любимым типом поэта в последнюю эпоху его деятельности. Какое же душевное состояние выразил нам поэт в этом типе и каково его собственное душевное отношение к этому типу, влезая в кожу, принимая взгляд которого он рассказывает нам столь многие добродушные истории, между прочим «Летопись села Горохина» (В ту пору название произведения читалось ошибочно. — Г. М.) и семейную хронику Гриневых, эту родоначальницу всех теперешних «семейных хроник»?»¹

Так было «слово найдено». Навязанный «Капитанской дочке» жанр «семейной хроники» делал возможным представлять Пушкина создателем «положительного русского человека», влюбленного в патриархальный помещичий быт со «смирненным Савельичем». Более того, подобное определение полемически отвергало господствовавшее до того представление о романе как летописи событий великого народного мятежа. Наиболее последовательно такой взгляд на пушкинский роман был до Григорьева высказан П. А. Вяземским. В статье 1847 года он писал: «В «Капитанской дочке» история пугачевского бунта или подробности о нем как-то живее, нежели в самой истории. В этой повести коротко знакомишься с положением в России в эту странную и страшную годину. Сам Пугачев обрисован метко и впечатлительно. Его видишь, его слышишь».

¹ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967, с. 177—178.

Аполлон Григорьев написал свою статью через двенадцать лет после Вяземского и назвал ее «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина». Вряд ли случайно критик почти повторил название статьи Вяземского — «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина». «Взгляду» западника Вяземского он противопоставил свой «Взгляд». По мнению Вяземского, Пушкин создал историческую хронику, рассказ о страшной године пугачевского бунта, запечатлев мастерски в «сжатой картине» Россию «от крепости Белогорской вплоть до Царского Села». Герои пушкинского романа «принадлежат русской бытине о Пугачеве»¹. Аполлон Григорьев утверждает: нет, Пушкин написал «семейную хронику» и рассказал «добродушную историю» о частной жизни Гринева. Критик замалчивает образ Пугачева и декларативно объявляет Пушкина певцом смиренности, которая полнее всего и раскрывает «русский тип». В этом он видит величие Пушкина и секрет его огромного влияния на литературу. «Все наши жилы бились в натуре Пушкина, и в настоящую минуту литература наша развивает только его задачи — в особенности же тип и взгляд Белкина. Белкин, который писал в «Капитанской дочке» хронику семейства Гриневых, написал и «хронику семейства Багровых»...»².

Единомышленник Аполлона Григорьева Н. Н. Страхов, продолжив борьбу с западниками за «своего» Пушкина, характеризовал его как родоначальника истинной народности, которая, по убеждению критика, наиболее полно выражалась в создании русского национального характера с его смирением и кротостью. Вслед за А. Григорьевым Н. Страхов видел образное выражение этого идеала у Пушкина в смиренном «белкинском» начале. Вот почему была подхвачена мысль о создании Пушкиным жанра «семейной хроники». В статье, напечатанной в 1869 году и посвященной «Войне и миру», он сопоставляет толстовский роман с «Капитанской дочкой»: «„Капитанская дочка“ тоже не исторический роман, т. е. вовсе не имеет в виду в форме романа рисовать жизнь и нравы, уже

¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 2. Спб., 1879, с. 377.

² Григорьев А. Литературная критика. с. 184.

ставшие для нас чуждыми, и лица, игравшие важную роль в истории того времени. Исторические лица — Пугачев, Екатерина — являются у Пушкина мельком, в немногих сценах, совершенно так, как в «Войне и мире» являются Кутузов, Наполеон и пр. Главное же внимание сосредоточено на событиях частной жизни Гриневых и Мироновых, и исторические события описаны лишь в той мере, в какой они прикасались к жизни этих простых людей. «Капитанская дочка», собственно говоря, есть хроника семейства Гриневых; это тот рассказ, о котором Пушкин мечтал еще в третьей главе «Онегина», — рассказ, изображающий «преданья русского семейства». «Капитанская дочка» есть рассказ о том, как Петр Гринев женился на дочке капитана Миронова»¹.

Тенденциозность подобного толкования пушкинского романа очевидна. Хотелось бы только подчеркнуть эту откровенность толкования «Капитанской дочки» в угоду любимой идее: критик не только замалчивает важнейшие в романе картины крестьянского восстания, но объявляет Пугачева эпизодическим лицом, утверждая, что Пушкин изобразил Пугачева «мельком». В романе четырнадцать глав; из них в восьми главах присутствует Пугачев — как правило, в качестве центрального персонажа, от которого зависит судьба Гринева и Маши Мироновой. О последней встрече Гринева с Пугачевым (в Москве, в момент казни последнего) сообщает «издатель» — Пушкин.

3

Исследователи, усматривающие генетическую связь между жанром «Капитанской дочки» и романами Вальтера Скотта, опираются на реальные факты. Вальтер Скотт — создатель исторического романа. Пушкин высоко ценил творчество и художественные достижения английского писателя. Читая исторические романы, русские и французские, Пушкин рассматривает их через призму опыта и открытий Вальтера Скотта. Закономерным было использование этого

¹ Страхов Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. Изд. 4-е, т. 1. Киев, 1901, с. 222; 221—222; 224.

опыта самим Пушкиным, когда он писал «Арапа Петра Великого» и «Капитанскую дочку».

Но, к сожалению, отношение Пушкина к Вальтеру Скотту часто толкуется односторонне и предвзято, более того — зависимость Пушкина от английского романиста приобретает у некоторых пушкинистов гипертрофированный характер. Примером может служить формула, предложенная в свое время Д. П. Якубовичем: «„Капитанская дочка“ — последнее звено длительного и упорного (? — Г. М.) процесса, условно могущего быть названным вальтер-скоттовским периодом Пушкина»¹.

Не было такого периода у Пушкина. Свой категорический вывод исследователь стремился подтвердить примерами зависимости мотивов, ситуаций и образов «Капитанской дочки» от исторических романов Вальтера Скотта — зависимости, установленной на основе чисто формальных сопоставлений. Уже давно была доказана несостоятельность подобной методологии. А в то же время общий вывод, что «Капитанская дочка» написана по образцу исторических романов Вальтера Скотта, сохраняется до сих пор и утверждается пушкиноведением как объективная истина. На этом основании, в частности, делается заключение, что в соответствии с историческими романами английского писателя в основе «Капитанской дочки» лежит любовный сюжет — история любви и женитьбы Гринева.

В действительности все было сложнее. Отношение Пушкина к Вальтеру Скотту не было однозначным — оно менялось на протяжении творческой жизни поэта и потому требует тщательного исследования. Пушкин не только усваивал опыт Вальтера Скотта, но преодолевал свойственные его романам недостатки, решительно обновлял жанр исторического романа. И осуществлялось это — прежде всего и главным образом — в процессе работы над «Капитанской дочкой».

Известно, что решающим условием верного понимания художественного произведения является рассмотрение его по законам, которые создает для себя сам художник. Как же можно судить о жанре «Кани-

¹ Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 4—5. М. — Л., 1939, с. 165.

танской дочки» по законам исторического романа Вальтера Скотта? Не ясно ли, что при таком подходе мы будем навязывать Пушкину свои выводы и суждения, а не извлекать их из самой художественной структуры написанного им романа. Исследователю гораздо важнее, доверяя автору, стремиться понять то индивидуальное, что присуще ему, увидеть те открытия, то обновление жанра Пушкиным, которые и определили роль «Капитанской дочки» в дальнейшем развитии русского романа.

В чем же Пушкин видел заслугу английского писателя, что из его опыта оправданно использовал в своем творчестве? Величие Вальтера Скотта — в историзме его мышления. Он потому создал подлинно исторический роман, что впервые, описывая прошлое, воссоздавал конкретно данное время в его индивидуально неповторимом облике: не только верно изображал национально обусловленные быт, культуру, костюмы, обстоятельства жизни, но и тип сознания исторических деятелей и вымышленных героев именно данной эпохи. И еще: «главная прелесть» Вальтера Скотта, по Пушкину, в том, что, читая его романы, «мы знакомимся с прошедшим временем» «домашним образом». И, наконец, как Шекспир и Гете, Вальтер Скотт «не имеет холопского пристрастия к королям и героям». Его герои «просты в буднях жизни, в их речах нет приподнятости, театральности, даже в торжественных случаях, так как величественное для них обычно».

Глубокое понимание художественных открытий Вальтера Скотта и высокая оценка его романов объясняются прежде всего тем, что Пушкин сам стал на позиции историзма. Оттого оказывались возможными и творческое усвоение достижений английского романиста и творческий спор с ним.

Расхождение определялось различием художественных методов: Вальтер Скотт был романтиком, Пушкин — реалистом. Потому и характер историзма у писателя-реалиста был иным — исторический реализм позволял открывать и в современности, и в прошлом закономерности общественного развития. Знакомство с трудами французских историков, открывших причину революций в непримиримых социальных противоречиях классов феодального общества, обога-

щало Пушкина, повышало потенциал его художественного исследования действительности. Историзм, умноженный на реализм и социальный анализ человека и общества, в котором он живет, позволил Пушкину понять главную художественную слабость романов Вальтера Скотта. Его герои жили в среде, обусловленной характером и особенностями исторического и национального развития, они были точно вписаны в обстановку данной национальной культуры. Но судьбы их оказывались независимыми от обстоятельств социального бытия, от закономерностей общественного развития. Их поступки, действия, их жизнь определялись в конечном счете любовными отношениями. Двигателем событий, таким образом, оказывался любовный сюжет.

Социологизм мышления Пушкина не мог не внести кардинальных изменений в структуру художественного произведения и прежде всего в понимание сущности и функции сюжета. Сюжет, как и характеры, необходимо обнаруживать в самой конкретно-исторической, исполненной социальных противоречий действительности. Любовный же сюжет приносился в произведения различных жанров, посвященных отличным друг от друга историческим эпохам. Оттого любовный сюжет не мог быть организатором и демиургом судеб героев исторического романа «Капитанская дочка»: художественное исследование грозного времени народной войны за свободу открыло Пушкину иные силы, которые определяли и поступки героев, и их жизнь.

Но внесение в произведение открытого в самой действительности сюжета вовсе не означало отрицания в романе или повести, в драме или комедии роли (иногда очень значительной) любовных отношений. Все дело в том, что сами эти отношения, частные судьбы людей оказывались зависимыми от обстоятельств их социального бытия.

Первым опытом Пушкина в создании произведения с безлюбовным сюжетом была трагедия «Борис Годунов». В 1833 году, когда записывались планы романа о Пугачеве, Пушкин закончил повесть «Пиковая дама». Не любовь, но власть денег двигала всеми поступками Германна, заставляя его использовать и любовь для достижения цели. В повести было показано, что алчность и наполеонизм Германна не пощадили высокого чувства и он, не задумываясь, надругался над любовью Лиза-

веты Ивановны. Власть денег — это та сила, которая была открыта Пушкиным для русской литературы.

Утверждение реализма и социологического мышления приводили уже в 1830-е годы писателей-реалистов к новому пониманию сюжета, к скептическому отношению к любовной интриге как универсальной силе, способной завязать действие в любом произведении. Характерный пример — творчество Гоголя, писателя, тесно связанного с Пушкиным, справедливо называвшего Пушкина своим учителем.

Во многих произведениях Гоголя тех лет любовный сюжет не завязывает действия. Комедия «Ревизор», в этом смысле, носила демонстративно-вызывающий характер — в ней был не только новый, открытый в самодержавно-бюрократическом обществе сюжет, но еще и злая пародия на традиционную любовную интригу: двойное объяснение Хлестакова в любви — жене и дочери городничего.

Позже Гоголь в «Театральном разезде» так определил новаторство своей безлюбовной комедии «Ревизор»: «...Если принимать завязку в том смысле, как её обыкновенно принимают, то-есть в смысле любовной интриги, так ее точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит взглянуться пристально вокруг. Всё изменилось давно в свете. Теперь сильнее завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого, отомстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»¹.

Открытия Пушкина Гоголь не только освоил и развил творчески в своих художественных произведениях, он великолепно теоретически сформулировал проблему сюжета, назвав три новых силы, которые подчиняют все человеческие отношения, три «электричества» — чина, денежного капитала, выгодной женитьбы. «Электричество чина» и завязывает блистательно действие «Ревизора».

В. Г. Белинский в статье 1843 года констатировал, что одним из главных недостатков современной литературы является отсутствие «истины, действительности»

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 5. М. — Л., 1949, с. 142.

не только в характерах, но и в сюжете: «Интрига всегда завязана на пряничной любви, увенчивающейся законным браком, по преодолении разных препятствий. Любовь у нас во всем — в стихах, в романах, в повестях, в трагедиях, в комедиях и в водевилях. Подумаешь, что на Руси люди только и делают, что влюбляются, да, по преодолении разных препятствий, женятся...» Далее Белинский ссылается на уже известные нам слова Гоголя, что в современных условиях больше завязывает драму денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь. И комментирует: «Гоголь сказал правду»¹.

Вопрос о сюжете приобрел актуальное значение. В 1842 году выступил Герцен с программной статьей («По поводу одной драмы»), в которой на многочисленных примерах, взятых из европейской литературы, раскрыл искусственность любовных сюжетов при изображении жизни, указал на неизбежность трагических финалов героев исторических и современных романов и пьес, авторы которых, вопреки правде бытия, заставляли их кружиться в беличьем колесе любовных перипетий².

Закономерным для русской литературы было и выступление Чернышевского на ту же тему — о господстве в мировой литературе любовных сюжетов: «...Привычка изображать любовь, любовь и вечно любовь заставляет поэтов забывать, что жизнь имеет другие стороны, гораздо более интересующие человека вообще; вся поэзия и вся изображаемая в ней жизнь принимает какой-то сантиментальный, розовый колорит; вместо серьезного изображения человеческой жизни произведения искусства представляют какой-то слишком юный... взгляд на жизнь...»³.

Опыт мировой литературы свидетельствовал, что любовный сюжет суживал масштаб художественного исследования действительности, обеднял человека, не раскрывал его подлинно драматических отношений с реальным миром.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 387—388.

² См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 2. М., 1954.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М. — Л., 1949, с. 83.

В этой связи Чернышевский указал и на тот недостаток исторических романов Вальтера Скотта, который до него увидел и понял Пушкин: «Исторические романы Вальтера Скотта основаны на любовных приключениях — к чему это? Разве любовь была главным занятием общества и главной движательницею событий в изображаемые им эпохи?»¹.

Программная новизна «Капитанской дочки» в том и состоит, что не любовь, а народная борьба стала «двигательницею событий» этого романа. В нем Пушкин прибегает к приему (с таким блеском примененному им в «Повестях Белкина») обманного использования традиционных форм повествования, «игры» с привычными сюжетами. Так, например, в «Станционном смотрителе» читателю подбрасывался знакомый сюжет — соращение бедной девушки богатым дворянином. И читатель знал: конец будет печальным. Но «Станционный смотритель» неожиданно завершался изображением счастливой в браке Дуни. На глазах читателя ломалась традиция, сюжет развивался в непредвиденном направлении. Такой прием наглядно показывал принципиально новое понимание сюжета, что помогало читателю увидеть скрытые от всех силы, определяющие человеческую жизнь.

Нечто подобное мы обнаруживаем и в «Капитанской дочке». Рвавшийся из родного гнезда Гринев, прибыв на службу в Белогорскую крепость, знакомится с дочкой капитана Миронова Машей и влюбляется в нее. Девушка отвечает взаимностью, рождается любовь — все происходит в духе традиции. Оттого и центральная глава этой части соответственно называется «Любовь». Читатель, воспитанный на традиции, и в частности на романах Вальтера Скотта, быстро догадывался, как будут развиваться события. И вдруг — неожиданность: любовный сюжет обрывается, все рушит-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2, с. 84.

См. также выводы современного исследователя: «Одной из важнейших пружин действия и форм связи, возникающей между различными группами персонажей, является любовь, традиционная и почти обязательная тема всякого романа». Он же говорит об использовании В. Скоттом традиции, согласно которой главным героем выступал «первый любовник»: «Поэтому и в романах Скотта главным героем считался первый любовник — Уэверли, Гарри Бертрам, Генри Мортон и т. д.» (Реизов Б. Г., Творчество Вальтера Скотта. М.—Л., 1965, с. 428, 397).

ся. Петруша Гринев написал письмо родителям, прося благословения на брак с Марьей Ивановной Мироновой. Но получает исполненное угроз письмо отца: отказывая в благословении, он обещает: «...Собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин...»

Давая Маше прочесть ответ отца, Гринев признает: «Всё кончено». Маша соглашается: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля господня!» «Покоримся воле божией».

Так, по родительской воле, только было обозначившийся любовный сюжет романа завершает свое течение. Гринев точно определяет положение: «всё дело пошло к черту!» Он признается: «Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство». Такая реакция «несчастливого любовника» на окончание любовной истории подчеркивает слегка иронический характер названия главы — «Любовь».

Вот в этот момент крушения любовного сюжета вторгается в повествование неведомая читателю объективная сила, которая и определяет дальнейшее движение сюжета романа и судьбы героев. Гринев откровенно пишет, что не любовь станет направлять его в дальнейших «странных обстоятельствах жизни»: «Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение». «Неожиданным происшествием» явилась «пугачевщина»! Именно так и называется следующая глава.

Пугачевщина и имела решающее влияние на жизнь героев. Она обуславливала не только ход дальнейших событий, но и судьбы Гринева и Маши Мироновой. Более того, она способствовала (в этом с удивительной наглядностью проявилось новаторство Пушкина) благоприятному разрешению любовной коллизии (Гринев — Маша Миронова), грубо разрушенной старшим Гриневым. Пугачев «благословил» любящих.

Сюжет, являясь и историей характера, полнее всего раскрывает духовный мир героя.

Гринев-мемуарист — один из главных героев романа. Он написал историю своей жизни за два года. Не любовь, но события восстания стали школой воспитания семнадцатилетнего офицера: он возмужал, многое узнал, душевно обогатился, сохранил свою честь,

проявил отвагу в беспримерных обстоятельствах, оказался способным отстоять и защитить в трудных испытаниях свое счастье. Оттого эти два года жизни надолго запомнились ему, оттого он считал себя обязанным рассказать о пережитом и прежде всего о своих «странных» приятельских отношениях с Пугачевым.

Закономерно и Пугачев занял в романе центральное место. Его характер динамически раскрыт именно в событиях и перипетиях восстания.

4

Что же определило решение Пушкина придать своему историческому роману мемуарную форму? Ему нужен был свидетель событий крестьянского восстания — свидетель, не только наблюдавший восстание (штурм крепости, осаду Оренбурга, установление новых порядков, заседание «военного совета» Пугачева и т. д.), но и знакомый с фактами жизни Пугачева и его товарищей, взаимоотношениями руководителей восстания. Этот свидетель должен был в ходе «происшествия» попадать в ситуации прямой зависимости от мятежников и, благодаря вмешательству Пугачева, выходить невредимым, да еще и облагодетельствованным (плен и помплование, помощь в спасении Маши от притязаний Швабрина).

Вот почему так важен был «выбор» мемуариста. Мемуарист должен был отвечать многим требованиям, которые ставил перед ним его создатель Пушкин. Рассказчиком-свидетелем избирался дворянин. Для него было естественным неприятие и осуждение восстания и всех мятежников. В этом проявлялся социально обусловленный дворянский характер убеждений рассказчика. Конечно, данное обстоятельство обеспечивало цензурное прохождение «Капитанской дочки» — Гринев не принимал восстания, называл его руководителей, в том числе и Пугачева, в духе официальных документов «злодеями». Подобные оценки звучали совершенно искренне.

Но дело не только в цензуре. Пушкин ставил более важную задачу — показать двойственность позиции Гринева: осуждая, не принимая восстания, он принужден был свидетельствовать не только о кровавых

расправах Пугачева, но и о его человечности, гуманности, справедливости и великодушии. Ценность таких показаний Гринева увеличивалась именно оттого, что их давал противник мятежников.

Вот почему огромную роль при выборе рассказчика играли его нравственные качества. Гринев добр, честен, благороден — это признаки и его личности, и его дворянского положения. Пушкин подчеркивал данное обстоятельство эпиграфом к роману: «Береги честь смолоду». При этом он уточнял происхождение афоризма. Это пословица, в которой аккумулировалась народная мудрость.

Проблема чести, в понимании Пушкина, пуждается в пояснении. В одной из заметок, посвященных размышлениям писателя о дворянстве, мы читаем: «Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они охрана трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества».

Итак, честь (независимость, храбрость, благородство) — основа нравственного кодекса людей всех классов, ибо она носит «природный» характер. Честь свойственна и дворянству, и «трудолюбивому классу» — оттого народ и сформулировал в пословице свое понимание «природной» морали. Но социальные условия жизни мешают и дворянам, и крестьянам воспитывать эти качества («образ жизни может их развить, усилить или задушить»). Крестьянам, находящимся в рабской зависимости, нет времени воспитывать эти качества. Социальная практика дворян — их помещичья, военная и чиновная деятельность — душил эти качества. И дворяне слишком часто не исполняют своего долга — беречь честь. Значит, «природные» качества менее всего «задушены» в юном возрасте, когда социальная практика еще не растоптала добрые начала личности только еще вступающего в жизнь дворянина.

Оттого-то Пушкин определяет возраст своего героя — семнадцать лет. Цифра эта не случайна. Вспомним «Повести Белкина»: юным героиням — Дуне Выриной, Лизе Муромцевой, Маше Г. — по семнадцати лет. Этот возраст счастливой юности, по Пушкину, как

бы делал их свободными от социальной морали, способными на «бунт», на борьбу за свое счастье, на протест против деспотической воли родителей.

Семнадцатилетним юношей вступил в самостоятельную жизнь Гринев и волей обстоятельств — «пугачевщины» — попал в орбиту восстания, которое «чудесно» изменило его жизнь. Участвуя в событиях, он сохранил честь — проявил храбрость, благородство, честность. Сбереженная с молодости честь позволила Гриневу на склоне его жизни, когда он писал воспоминания, быть благородным в описании всего виденного, быть честным, быть благодарным за добро Пугачеву. Честь помогла быть искренним и в неприятии вооруженной борьбы народа, и в симпатиях к своему «странному приятелю» Пугачеву.

Отсутствие стройной системы убеждений определило известную свободу поведения — ему, юному офицеру-дворянину, еще чужд социальный стереотип мышления и поведения. И, несмотря на то, что социальный инстинкт подсказывал отрицательное отношение к «бунтовщикам», мятежникам, «преступникам», Гринев в реально возникавших ситуациях больше доверял личным впечатлениям. Как дворянин он считал, что бунтовщик Пугачев — злодей и враг. Как человек, испытавший на себе его милости, он полагал своим долгом сказать правду о его поведении, не считаясь с тем, что она противоречит официальному мнению о Пугачеве. Личный опыт оказывался более значимым, чем социальный. Именно такой честный свидетель-мемуарист и нужен был Пушкину. Создание образа рассказчика Гринева — замечательная победа Пушкина, автора «Капитанской дочки».

Честность Гринева-мемуариста позволила ему раскрыть никому не ведомую правду о руководителе восстания Пугачеве, а значит, и правду о народной борьбе за свободу. Попаз в драматическую ситуацию — оренбургский губернатор отказывается помочь в освобождении Машы Мироновой из-под власти Швабрина, — Гринев принимает совершенно «неправильное», с дворянской точки зрения, решение — обратиться за помощью, за справедливостью к Пугачеву!

Вспомним сцену: Пугачев и Гринев едут выручать Машу. Пугачев спрашивает:

«— О чем, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься,— отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачев. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец... — Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья».

Мемуарист ничего не скрывал от потомков: ни своих поступков, ни своих раздумий: «Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан».

Как видим, избрание рассказчиком Гринева себя «оправдало» — он отлично и честно выполнял ответственную роль свидетеля. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что рассказчиком был писатель. Гринев сообщал о себе, что еще в Белогорской крепости в нем «пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов». После пугачевского восстания Гринев продолжал свои литературные занятия — писал стихи. Он сообщает: «...Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков... очень их похвалял». Гринев «был освобожден от заключения в конце 1774 года». Сумароков, прославленный русский поэт, умер в 1777 году. Следовательно, со стихотворными опытами Гринева он познакомился в 1775—1776 годах.

Любовь к литературе и обусловила его решение заняться написанием мемуаров. Избрание мемуарной формы романа — еще одно свидетельство необыкновенной исторической зоркости и исторической чуткости Пушкина. Дело в том, что характерной особенностью духовного развития людей XVIII века явилось их стремление вести автобиографические записки, писать мемуары. Их воодушевляло желание рассказать о своей жизни и своем времени.

Пушкин в течение всей своей сознательной жизни изучал историю русского XVIII века — политический и социальный строй самодержавного государства, быт,

культуру народа и образованного общества, литературу, искусство, театр. Так он столкнулся с фактами ведения автобиографических записок и известными историческими лицами (Екатериной II, Е. Р. Дашковой), и известными писателями (Г. Р. Державиным, И. И. Дмитриевым), и простыми людьми.

Эта начатая в XVIII веке традиция была продолжена и в XIX — многие писали мемуары в 1800—1820-е годы. Некоторые из них, например воспоминания Н. Дуровой, Пушкин подготавливал для публикации в «Современнике». Неопубликованными воспоминаниями поэта Ивана Дмитриева он пользовался при написании «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».

В мемуарах история изображалась «домашним образом», и в этом была их главная «прелесть». В автобиографических записках оказывались запечатленными не только быт, обычаи, нравственная жизнь, частные и политические интересы и события, разговорный язык эпохи, но и личность мемуариста. Запись воспоминаний о прожитом и увиденном с необыкновенной выразительностью и безыскусственностью передавала самосознание пишущего, его размышления не только о своей личной жизни, но и о ее связях со своим временем, с историей. Характерный пример — мелкий чиновник Винский, живший во вторую половину XVIII века, создал записки о своей жизни и знаменательно назвал их «*Мое время*».

Потребность рассказать о своем времени, — а точнее, о самом главном событии «своего времени», «пугачевщине», — и явилась причиной, заставившей Гринева взяться за перо. Тем самым мемуары Гринева становятся важнейшим исторически конкретным документом, красноречиво характеризующим личность Гринева, его нравственные и политические убеждения.

Мемуарист Гринев — истинный дворянин, убежденный противник «насильственных потрясений», верный присяге офицер, — он в то же время чувствовал себя обязанным сохранить память о важном «происшествии» русской истории, сообщить правду о восстании и его руководителе Пугачеве. При этом, как мы уже видели, он не боялся отступать от официальных оценок Пугачева и пугачевщины и потому смело высказывал свою благодарность Пугачеву за добро, сделанное ему.

Обо всем этом необходимо говорить подробно, ибо в литературе, посвященной «Капитанской дочке», бытует несправедливое мнение о Гриневе. Суждение, в свое время оброненное Белинским, что Гринев — это «ничтожный, бесчувственный характер», было некритически усвоено советским пушкиноведением. Гринев называют типичным недорослем, недалеким, но благородным дворянином, с узким умственным кругозором, сторонником «убогой философии истории», «бесхитростным выразителем охранительной идеологии» и т. д.

Подобное восприятие Гринева противоречит тексту романа. Мастерство Пушкина, проявившееся в создании сложного и уникального в русской литературе образа рассказчика — главного героя «Капитанской дочки» — оказалось непонятым. Уникальность образа Гринева-рассказчика, мемуариста в том, что, описывая свою жизнь в год восстания, он выступал своеобразным летописцем «пугачевщины».

Своеобразие же повествователя как летописца определяется его ролью в романе. Мы знаем, что он был свидетелем, и при этом свидетелем активным, ибо выступал главным героем описываемых событий, неразрывно связанным с сюжетом повествования. Сюжетное движение романа осуществляется через него или с его помощью; он выступает нередко организатором событий (вся история спасения Машки Мироновой). Эта роль рассказчика в сюжете романа обуславливала его связи со всеми героями и, естественно, субъективное отношение к ним в его повествовании. Швабрина Гринев не только не уважает, но и ненавидит. Машу безоглядно любит. С Пугачевым завязывает «странные приятельские» отношения.

Подобное положение рассказчика в сюжетном мире «Капитанской дочки» подсказывает нам понимание романа. Мы смотрим на мир глазами повествователя. Более того — мы не должны забывать, что этой его ролью в романе обосновывается отбор событий «происшествия»: здесь не объективный рассказ об истории пугачевского бунта (это сделал Пушкин в «Истории Пугачева»), но рассказ только о том, что видел рассказчик, в чем принимал участие.

Уже говорилось, как и почему было важно для Пушкина провести через весь роман гриневскую точку

зрения на «пугачевщину», на «чудосные обстоятельства» его жизни, на всех участников трагических событий. Субъективность оценок передает, с одной стороны, «таинственную» для самого рассказчика очарованность Пугачевым, с другой — нескрываемое презрение к Швабрину. Именно эта субъективность повествователя объясняет однозначность и однокрасочность изображения Швабрина. Недооценка или непонимание роли рассказчика как главного героя во всем сюжетном развитии романа рождает несправедливые упреки Пушкину, что Швабрин изображен «мелодраматически», односторонне, необъективно.

5

Заслуживает внимания и еще одна особенность построения образа рассказчика — он дан в романе в двух временных измерениях. Мы видим двух Гриневых — семнадцатилетнего юношу, только что начавшего военную службу, и пятидесятилетнего мемуариста, литератора, умудренного опытом, много повидавшего человека. Между ними не только временная, но и нравственная дистанция.

Гринев неоднократно сообщает, что записки свои он пишет в эпоху александровского царствования. Так, например, вспоминая о жестокой расправе капитана Миронова с башкирцем, Гринев сообщает: «Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что *ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра* (курсив мой. — Г. М.), не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия». Текст романа ясно свидетельствует, что записки свои Гринев писал, видимо, в самом конце 1800-х или в начале 1810-х годов (до Отечественной войны). Следовательно, мемуаристу было за пятьдесят лет.

Вот этот пятидесятилетний мемуарист, стараясь быть объективным, описывает и оценивает семнадцатилетнего юношу. Вспоминая прожитое, честно и правдиво рассказывая о прошлом, он снабжает нарисованные картины сентенциями. Сентенции эти идут от лица многоопытного мужа — дворянина, помещика, литератора.

Гринев рос, воспитывался и жил во вторую половину XVIII века, то есть в эпоху расцвета литературы. Его стихи заметил и похвалил Сумароков. Другой писатель — Фонвизин — более близок ему: своим творчеством он способствовал его самосознанию. В замечательной комедии «Недоросль» Фонвизин, с присущей ему иронией, даже сарказмом, изобразил жизнь провинциального дворянства. И Гринев, вспоминая, смотрит на свою юность через призму фонвизинского восприятия жизни. Оттого в гриневских воспоминаниях сильно фонвизинское начало. Оно проявляется различно. Так, образ Савельича писался с учетом того, как Фонвизин изобразил своего дядьку Шумилова в стихотворении «Послание слугам моим» и Еремевну — мамку Митрофана в «Недоросле». Картина жизни мальчика в родном доме невольно заставляет вспомнить об условиях жизни и обучении Митрофана, о его отношениях с учителем Вральманом. Но фонвизинское начало проявилось с наибольшей полнотой в стихии иронии, пронизывающей первые страницы воспоминаний Гринева.

Как известно, Фонвизин тоже писал мемуары, которые назвал «Чистосердечные признания в делах моих и помышлениях». Они не были закончены писателем, а напечатали их только в 1830 году наследники писателя. Пушкин был знаком с записками. Писатель-сатирик насмешливо описывал свое детство, свои запятия, свою юность. Пушкин наделил своего героя Гринева-мемуариста редким даром иронии. Именно так написано начало воспоминаний, посвященных годам, проведенным в родительском доме.

«Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта...». «С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля».

Затем появился учитель-француз, который не понимал «значения этого слова», ибо в своем отечестве он

был парикмахером, а попав в Пруссию, служил там солдатом. Весь эпизод об учителе французского языка Бодре выписан Гриневым в фонвизинском духе. «Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности», — свидетельствует Гринев. «Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу...»

Вспомним эпизод занятий Гринева-мальчика географией: в доме висела «без всякого употребления» географическая карта. «Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бодре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды...» В таком духе написана вся первая глава. Стилистическая доминанта главы — ирония — вынесена даже в ее название — «Сержант гвардии»!

Бодре согнали со двора. «Сержант гвардии» обрел полную свободу бездельничать и проказничать. «Тем и кончилось мое воспитание. Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками». Слово «недоросль» употреблено здесь в точном значении этого термина XVIII века — молодой дворянин, обучавшийся дома и еще не получивший свидетельства об образовании.

Непонимание пушкинского изображения Гринева в двух временных измерениях в конечном счете привело к стилистической глухоте исследователей романа — они не замечают иронического восприятия мемуаристом своего детства. Оттого, между прочим, описание им своей жизни воспринимается слишком прямолинейно — вот каков этот неуч-недоросль, дворянский сынок, гонявший голубей и научившийся здраво судить о свойствах борзого кобеля... Не менее странен и вывод, что Гринев (а следовательно, и Пушкин) с умилением описывает патриархальные нравы гриневского дома.

Ирония — любимый пушкинский метод изображения человеческих характеров. Наделение Гринева иронией — свидетельство сознательного стремления Пушкина подчеркнуть объективность рассказчика, его насмешливость по отношению к себе и помещичьим нравам той эпохи, его характер, лишенный тщеславия, гор-

дыни и эгоизма. Ирония первых страниц записок Гриневы призвана была сразу же вызвать доверие к его показаниям, к его летописи событий «пугачевщины».

Время работы Гриневы над воспоминаниями имело для Пушкина важное значение: он писал их в начале XIX века, то есть до восстания декабристов. Его записки Пушкин получил после восстания 14 декабря — в середине 1830-х годов. «Рукопись Петра Андреевича Гриневы доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом», — так пишет в заключении романа Пушкин от своего имени — издателя. Следовательно, внук Гриневы, передавший Пушкину рукопись, — его современник и ровесник: он родился в конце 1790-х годов. Приближение грозных событий «пугачевщины» ко времени написания «Капитанской дочки» входило в замысел Пушкина.

6

После того как мы выяснили композиционную и сюжетную роль рассказчика в «Капитанской дочке», естественно попытаться ответить на самые трудные, до сих пор не решенные пушкиноведением вопросы: какова же позиция Пушкина в записках, написанных от имени Гриневы, как соотносятся взгляды на изображаемые события двух «авторов» — Гриневы и Пушкина?

Рассматривая проблему «автора», М. Бахтин подчеркивал значение того случая, когда «условный автор», или рассказчик, вводится как носитель «особого словесно-идеологического, языкового кругозора, особой точки зрения на мир и на события, особых оценок и интонаций...» Именно такой случай мы наблюдаем и в «Капитанской дочке». И, хотя М. Бахтин об этом романе не говорит, выводы, сделанные им из подобных случаев, поучительны и их стоит помнить при решении нашей проблемы.

Далее М. Бахтин писал: «Эта особость, это отдаление условного автора или рассказчика от действительного автора и от нормального литературного кругозора может быть различной степени и различного характера. Но во всяком случае этот особый чужой кругозор, особая чужая точка зрения на мир

привлекается автором ради ее продуктивности, ради ее способности, с одной стороны, дать самый предмет изображения в новом свете (раскрыть в нем новые стороны и моменты), с другой стороны, осветить по-новому и тот «нормальный» литературный кругозор, на фоне которого воспринимаются особенности рассказа рассказчика»¹.

Из всего сказанного ранее о причинах создания Пушкиным образа рассказчика Гринева ясно, какой «продуктивностью» обладает он в «Капитанской дочке», как он был нужен Пушкину. Теоретические соображения М. Бахтина подтверждают наши выводы о принципиальном отличии точек зрения условного и подлинного автора романа.

Пушкин не прятался за рассказчика. Его позиция проявилась отчетливо в разных формах и прежде всего уже в факте создания образа рассказчика. Он наделен индивидуальным характером, ему как человеку присущи такие нравственные качества, которые позволяют выполнить роль летописца. Совершенно очевидно, что идеологическая программа рассказчика, в соответствии с правдой характера, заложена в этот образ самим Пушкиным. Гринев художественно оправданно делает все, что нужно Пушкину.

В этой связи полезно будет напомнить очень плодотворную мысль М. Бахтина: «Автор осуществляет себя и свою точку зрения не только на рассказчика, на его речь и его язык (которые в той или иной степени объектны, показаны), но и на предмет рассказа, — точку зрения, отличную от точки зрения рассказчика. За рассказом рассказчика мы читаем второй рассказ — рассказ автора о том же, о чем рассказывает рассказчик, и, кроме того, о самом рассказчике. Каждый момент рассказа мы отчетливо ощущаем в двух планах: в плане рассказчика, в его предметно-смысловом и экспрессивном кругозоре, и в плане автора, преломленно говорящего этим рассказом и через этот рассказ. В этот авторский кругозор вместе со всем рассказываемым входит и сам рассказчик со своим словом. Мы угадываем акценты автора, лежащие как на предмете рассказа, так и на самом рассказе и на раскрываемомся

¹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 126.

в его процессе образе рассказчика. Не ощущать этого второго интенционально-акцентного авторского плана — значит не понимать произведения»¹. Можно признать, что этот обобщенный теоретический вывод ученого относится и ко многим авторам работ, посвященных «Капитанской дочке».

Продолжим рассмотрение проблемы взаимоотношений рассказчика и действительного автора «Капитанской дочки». Мы уже знаем, что Пушкин определил главную роль Гринёва как роль свидетеля и летописца. Он ведет правдивый протокол происшествий, высказывая попутно свое мнение (всем памятные «сентенции»), но при этом должно учитывать, что он не властен в отборе и создании драматических ситуаций — их творцом является Пушкин. Гринёв призван лишь честно засвидетельствовать, как в этих обстоятельствах вел себя он и как действовал Пугачёв.

В ситуациях романа все дело! Именно их создание, их отбор, их расположение и выявляет особенно наглядно позицию Пушкина. Вспомним некоторые из них. Гринёв едет в Белогорскую крепость и попадает в буран. Заблудившихся путников выводит к казацкому хутору неизвестный человек. Гринёв достоверно рассказал о случившемся. Но сама драматическая, исполненная динамика ситуация обладает своей особой содержательностью, она несет читателю значительно большую информацию, чем запись Гринёва.

Яркий пример расхождения этих двух рядов содержания — передача Гринёвым беседы Пугачёва с хозяином хутора. Хозяин, всматриваясь в лицо Пугачёва, спросил: «„Отколе бог принес?“ Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: „В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?“»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая инсказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит; поп в гостях, черти на погосте. — „Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит“».

¹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики, с. 127—128. (И н т е н ц и я — замысел, идея, намерение.)

Записав этот иносказательный поэтически-многозначительный разговор, Гринев констатирует: «Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора...» Искусство Пушкина в том и состоит, что читатель понимает больше Гринева-свидетеля: ситуация встречи двух казаков — красноречивый намек на готовящееся восстание. Происходит это потому, что Гринев записывает диалог, сочиненный Пушкиным, который и передает его точку зрения. Отношение Гринева к тексту диалога — нейтральное: он выступает в данном случае не «автором», а протоколистом.

Обратим внимание и на слово «тогда» — как оно точно и многозначительно! Оно еще раз и в важном месте напоминает читателю о двух Гриневых. Семнадцатилетний участник событий не понимал тогда иносказательной речи Пугачева, а пятидесятилетний мемуарист понимает и потому может точно передать текст диалога. Его поэтическая иносказательность и выявляла позицию Пушкина.

Рассмотрим сцену присяги Пугачеву — народному государю — в Белогорской крепости. Дошла очередь и до Гринева. Пугачев не успел задать ему вопроса, будет ли он присягать «своему государю», как Швабрин, подойдя к Пугачеву, «сказал ему на ухо несколько слов». Пугачев, не взглянув на Гринева, приказал: «Вешать его!» Гриневу уже накинута на шею петлю, как вмешался в ход событий Савельич. Пугачев, узнав его, а через него и Гринева, отменил свой приказ. Гринев же не догадался, что вожатый и самозванец — одно и то же лицо.

Тут-то и возникла напряженная ситуация. Пугачев осуществлял справедливый суд: кто присягал ему — того миловал, кто отказывался — казнил, как врага. Что было делать с Гриневым? Пугачев помнил о заячьем тулунчике, подарке Гринева. Но нельзя было нарушать принятый им обряд присяги. Гринев записывает о происходившем так: «Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую плотную казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку».

Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободе».

Перед нами протокол происшествия, правда, изложенный субъективно, — Гринев сосредоточен на своих чувствах, испытанных в роковую минуту жизни. Но созданная Пушкиным ситуация бесконечно богаче протокола: она построена на испытании не только Гринева, но и Пугачева. Самозванец, желая помиловать «знакомца», отступает от своего долга. Действуя по справедливости, он обязан казнить отказавшегося от присяги офицера, как только что казнил Миронова. Преодоление конфликтной ситуации рисует нам духовно богатую личность Пугачева. Он проявляет мудрость и доброту, нам открывается редкая деликатность души простого казака, драгоценное нравственное качество — такт, когда, понимая, что Гринев не поцелует руку, Пугачев произносит с усмешкой иронические слова о том, что его благородие «одурел от радости»... Пугачев умно и тонко вышел из создавшейся ситуации, он не уронил достоинства своего сана государя, он, мужик, проявил чуткость к переживаниям Гринева, нашел благородный выход, помиловав человека, сделавшего ему добро. Драматическая ситуация, созданная Пушкиным, оказалась, как всегда, глубоко содержательной, как бы минуя рассказчика были показаны высокие нравственные качества личности самозванца.

Именно через эти ситуации оказывается непосредственное, прямое воздействие на читателя. В этой связи укажу на пример восприятия подобных сцен Мариной Цветаевой. Известно, что она решительнее многих отрицает авторство Гринева и более других упрекает Гринева в недалекости. Цветаева вспоминает только что приведенный нами эпизод, когда Гринев, отказавшийся присягать самозванцу, не узнает в нем вожатого. Не узнает после того, как первая встреча произвела на него огромное впечатление (даже во сне приснился!). При этом более всего Гринева поразили «сверкающие», «живые большие глаза» Пугачева. И все же, встретившись вторично с Пугачевым, Гринев не узнает его.

Цветаева с волнением пишет: «Я в Пугачеве на крыльце комендантского дома с первого чтения Вожатого узнала. Как мог не узнать его Гринев? И если

действительно не узнал, как мне было не отнестись к нему с высокомерием? Как можно было — после того сна — те черные веселые глаза — забыть?»¹

Упреки эти парадоксально вскрывают позицию Пушкина. Отказываясь понять характер взаимоотношений двух авторов, Цветаева с «высокомерием» относит к Гриневу. Но в том и состоял замысел Пушкина, чтобы противопоставить искреннее признание Гринева (да, не узнал вожатого, своего спасителя!) читательской памяти. Ситуация, созданная Пушкиным, так содержательна, так поэтически выразительна, что читатель — и современный Пушкину, и будущий (в том числе и Марина Цветаева!) — не мог не узнать в самозванце вожатого, а узнав, не упрекнуть Гринева в забывчивости. Забывчивость Гринева усиливала воздействие «черных веселых глаз» Пугачева, обостряла восприятие образа народного государя. Так наглядно проявляется прямой контакт действительного автора — Пушкина — с читателем. Читатель чувствовал себя выше Гринева — и это оправданно, ибо он оказывался единомышленником Пушкина, а не Гринева, ему открывались истины, неведомые Гриневу, но воодушевлявшие Пушкина. Он постигал правду Пушкина, его поэтическую веру в будущее. Эту гипнотическую силу воздействия поэтической концепции Пушкина отлично поняла Цветаева, была заморожена ею. Именно потому она и говорит о создании Пушкиным «чары Пугачева».

И еще пример. Пушкин, автор «Истории Пугачева», знал из документов о жестоких расправах с помещиками, офицерами. В той же «Истории» он многократно подчеркивал и описывал карательные меры правительственных войск, которые тысячами казнили и пытали мятежников. Потому этот сюжет не мог быть обойден в «Капитанской дочке».

В данном случае мы сталкиваемся с ведущим структурным принципом романа — сопоставлением рассказа рассказчика и созданной Пушкиным ситуации. Гринев сообщает, что накануне штурма Пугачевым Белогорской крепости был «схвачен башкирец с возмутительными листами» (манифестами Пугачева). Комендант крепости капитан Миронов приказывает привести башкирца на допрос и расправу. Гринев сообщает об этой

¹ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967, с. 114.

страшной сцене в бытовом плане. Жена Миронова Василиса Егоровна говорит: «Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться».

Гринев-мемуарист поясняет, что «пытка в старину... была укоренена в обычаях судопроизводства». И вот привели башкирца: «Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей». Пленный не отвечал на вопросы коменданта. Тогда он приказал: «Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину». Потом выясняется, что у него не было и языка — так бесчеловечно расправилось с ним правительство за участие еще в бунте 1741 года. «Все были поражены. „Ну,— сказал комендант,— видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар“».

Так мы узнаем от Гринева о жестокостях правительственных чиновников или офицеров, изуверстве их пыток и расправ со своими врагами. Пушкин же счел необходимым эту сцену поставить первой и уже только после нее говорить о жестокости Пугачева. Началась «пугачевщина». Ситуация кардинально переменялась — крепость взята Пугачевым и ее пленный комендант стоит перед судом народного государя. Пугачев не подвергает пытке Миронова. Он действует логично и умно — идет борьба, и при народе должно творить справедливый суд. Самозванец спрашивает Миронова: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» На этот вопрос многие дворяне-офицеры отвечали раскаянием и соглашались ему присягать. Миронов отказался. Пугачев «мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого канитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изуверченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух». И в данной сцене мы наблюдаем различие содержания протокольной записи Гринева о случившемся и предложенной Пушкиным ситуации. Информация Пушкина богаче, глубже, она наводит на размышления. Читатель не может не сделать вывод: нельзя говорить, как это делает правительство, об исключительной

жестокости Пугачева. Есть жестокость борьбы, и ее проявляют обе борющиеся стороны. Правительство осуществляет расправы. Логика борьбы заставляет Пугачева жестоко и беспощадно расправляться с теми, кто отказывается ему присягать. Потому глубоко символичен тот факт, что исполнителем приказа Пугачева — повесить Миронова — оказывается «изувеченный бапкирец», которого еще накануне комендант велел пытать. И в то же время казнь Миронова с особой силой подчеркивает жестокость и беспощадность восстания.

Нет нужды перечислять все выразительные ситуации, созданные Пушкиным, — весь роман состоит из них.

Каков же художественный принцип и механизм проявления пушкинской позиции в мемуарах Гринева? Соотнесение рассказа условного автора с драматической ситуацией, создаваемой Пушкиным, носит динамический характер. При их пересечении, по законам индукции, возникает новая, особая, «возбудительная», по меткому слову Гоголя, сила — поэтическая концепция событий и характеров в романе. Поскольку же пушкинские ситуации, предложенные Гриневу для честного описания, в большинстве случаев посвящены «испытаниям» Пугачева, то главное содержание «Капитанской дочки» обусловлено поэтическим характером Пугачева, и через него оказалось возможным раскрытие пушкинской поэтической концепции будущей русской революции.

Закон поэтической индукции позволяет не только отчетливо представить себе разность уровней понимания «пугачевщины» Гриневым и Пушкиным, но и решить такой трудный в пушкиноведении вопрос, который до сих пор еще является камнем преткновения, — как толковать фразу Гринева: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Каково отношение Пушкина к этой сентенции?

Обратим внимание на ее начало: «Не приведи бог видеть...» Здесь подчеркивается реальный факт — Гринев действительно наблюдал, видел начало и конец восстания, его поражение, казнь Пугачева с товарищами. Рассказчик констатировал и жестокость бунта, и его бессмысленность, то есть безрезультатность, что еще больше подчеркивало бесполезность жестокой борьбы. Вывод этот выражал эмпирическую правду о восстании и позицию дворянина.

Позиция Пушкина иная. В первой главе уже говорилось, что обреченность «русского бунта» открыта была в «Истории Пугачева». Потому не случайно Пушкин заставляет Гринева записать эту сентенцию — честный и добросовестный свидетель формулировал и правду о характере восстания. Читатель должен был знать этот объективный вывод: историзм убеждений Пушкина не допускал какой-либо идеализации событий, искажения истории. Но в то же время взгляды Гринева и Пушкина не совпадают. Правда Гринева эмпирична, однозначна, констатирующая факт — что видел, то и записал. Правда Пушкина глубоко исторична, прочно опирается на понимание социальной природы противоречий дворянства и крестьянства. И главное — Пушкин видит и понимает трагизм русского бунта.

В «Истории Пугачева» исследование причин восстания убедило Пушкина в социальной справедливости борьбы народа против рабства, угнетения и бесправия. О том же свидетельствовали опыт французской революции и теоретические выводы французских историков. Закономерность и оправданность борьбы русского крестьянства за свое освобождение от крепостного рабства, которая в русских условиях неизменно кончалась поражением, и рождала трагическую ситуацию русского бунта. Трагизм восстания обуславливал его поэтический ореол. Пушкин не знал и не мог знать возможного разрешения судьбы русской революции. Только художественное исследование великих событий крестьянской войны могло приоткрыть завесу, скрывающую будущее родины. Вот почему создание образа народа стало в центре внимания Пушкина-романиста.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАРОД

1

В 1835 году, во время работы над романом, Пушкин, готовя рецензию на Собрание сочинений Георгия Коницкого, записал важную мысль: «Одна только история народа может объяснить истинные требования одного». «Капитанская дочка» должна была в образах и характерах представить результаты художественного исследования истории народа в один из важнейших моментов его жизни.

О мятежном народе читатель «Капитанской дочки» узнает уже во второй главе романа из иносказательного разговора двух казаков: вожатого и хозяина умета.

Образ мятежного народа — еще смутный, возникающий только из разговоров, — станет с этого момента сопровождать Гринева. Приехав в Белогорскую крепость, он уже при первой встрече с капитаном Мироновым заводит речь о восстании: «Я слышал... что на вашу крепость собираются напасть башкирцы...» «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены».

Но события развивались стремительно, и далекий, не очень тревоживший офицеров мятеж приближался к Белогорской крепости. Гринев, впервые сообщая о восстании, называет его «неожиданным происшествием». Затем это «происшествие» получает имя «пугачевщины».

Прежде чем рассказать о том, что он увидел вблизи, Гринев дает историческую «справку» о положении в Оренбургской губернии в 1773 году. «Справка» утверждала мысль, что тяжесть порабощения: угнетение «диких народов», обиды, нанесенные казакам, — обус-

ловили сопротивление народа. В 1772 году «произошло возмущение». Принятые правительством жестокие меры по усмирению бунта не погасили пожара — именно они дали толчок зреющему мятежу: «лукавые мятежники» «выжидали удобного случая для возобновления беспорядков». В это время и появился «донской казак и раскольник Емельян Пугачев», который «с непристойной дерзостью принял на себя имя покойного императора Петра III», — началось громадное восстание.

Весть о Пугачеве быстро облетела Оренбургскую губернию. О нем говорили тайно и явно, повсюду распространялись «возмутительные письма» — манифесты Пугачева. Вольное слово мятежников покоряло сотни и тысячи людей. Казак Белогорской крепости, урядник Максимыч, отправляется на тайное свидание с Пугачевым. Появляется в крепости первый пугачевец — пойманный с «возмутительными письмами» башкирец. Встреча с ним потрясла Гринева: старый человек, жестоко наказанный еще за участие в бунте 1741 года, обезображенный пытками, он вновь пристал к восставшему народу.

Наконец, вооруженный народ подступил к Белогорской крепости. Штурмующих не пугали залпы пушки, заряженной картечью, — они ворвались в крепость. Весь гарнизон (за исключением Миронова, Гринева и поручика Ивана Игнатьича) сдался и бросил оружие. Гринев становился свидетелем массовости восстания, народности Пугачева. «...Жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь...»

На крыльце комендантского дома, сидя в креслах, Пугачев на глазах собравшегося народа творил суд и принимал присягу. После обряда присяги два казака посадили Пугачева на поданного белого коня. В это время из дома казаки «вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага». Увидев повешенного мужа, «бедная старушка» «закричала в иступлении»: «Злодеи!.. Что это вы с ним сделали», назвала Пугачева «беглым каторжником». Пугачев не мог оставить без внимания этот оскорбительный выкрик. Он — государь; авторитет его не может быть поколеблен. Пугачев приказал: «Унять старую ведьму!»

Молодой казак «ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца». Мы видим, каким решительным и беспощадным может быть Пугачев.

Пушкин вновь создает критическую ситуацию. Всего три часа назад жители подносили Пугачеву хлеб и соль, а теперь стали свидетелями казни всем хорошо известных двух старых офицеров и грубой расправы над беззащитной женщиной.

Критическая ситуация должна была выявить отношение народа к своему государю, к жестокостям восстания. Вспомним аналогичную сцену в «Борисе Годунове» — в финале трагедии происходит расправа с Марией Годуновой и ее сыном Федором. Князь Мосальский объявляет народу: «Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы». В специальной ремарке Пушкин подчеркивает реакцию народа: «Народ в ужасе молчит». Народ не прощает преступления бояр, в борьбе за власть убивших безвинных людей.

Совершенно иная реакция народа на убийство Василисы Егоровны: «Пугачев уехал; народ бросился за ним». Народ в данном случае не осуждает: он прощает, или, точнее, принимает расправу над Мироновым как законную и необходимую меру.

Обстоятельства открыли Гриневу-летописцу возможность вблизи познакомиться с руководителями восстания. Вечером того же дня, когда пала Белогорская крепость, у попадьи был устроен пир. Гринев был приглашен Пугачевым. По разумению попадьи, это не пир: «...у злодеев попойка идет», — говорит она. По свидетельству Гринева, это был «странный военный совет». Чувство страха и нервное напряжение испытывал Гринев, когда отправлялся на пир к «злодеям и разбойникам»: «Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен».

Но Пугачев встретил Гринева приветливо: «А, ваше благородие!.. Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Гринев сел за стол. «С любопытством стал я рассматривать сборище». «Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина...» «Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого». «Все обходились

между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое...

Читателю открывается тайный неведомый мир духовной жизни простых людей, волею обстоятельств ставших во главе восстания. Их объединяет общая высокая цель, уверенность в своих силах, товарищество.

В последующем Гринеvu удалось присутствовать еще на одном «совете», где, кроме Пугачева, были народные полководцы — бывший капрал Белобородов и Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей). Жалоба Гринева на Швабрина («обижает сироту») породила спор, который отчетливо выявил и политические, и нравственные позиции руководителей восстания. Пугачев реагирует быстро и изрекает решение: «Я его повешу». Решение это мотивируется принципиально: «Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ». Пугачев чувствует себя защитником народа. Хлопуша — умный и дальновидный политик, он умеет видеть связь явлений, он озабочен судьбой восстания, потому требует, чтобы все принимаемые решения были справедливы. Оттого он и возражает Пугачеву: «Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казачков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору».

Иных взглядов придерживается Белобородов — он ненавидит дворян, потому и заявляет: «Нечего их ни жалеть, ни жаловать» и предлагает «сказнить» и Швабрина, и Гринева. Справедливо подозревая Гринева в том, что он «подослан от оренбургских командиров», Белобородов предлагает пытать его («свести его в приказную да запалить там огоньку»). Гринев испытывал естественный страх, понимая, «в чьих руках он находился». Но в то же время он признает: «Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною». В финале спора Белобородов вновь настаивает на казни Гринева. Хлопуша не соглашается с мнением народного «фельдмаршала». «Тебе бы все душить да резать,—

сказал он ему». Белобородов отвечает: «Да ты что за угодник?.. У тебя-то откуда жалость взялась?»

Хлопуша, беглый каторжник, опровергает идею оправдания любой жестокости, всякого произвола. Признав, что и он «грешен», Хлопуша заявляет: «Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье, да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором».

Перед нами три мятежника, три человека с большим жизненным опытом, три руководителя восстания, — и каждый раскрыт как личность, со своим индивидуальным характером, со своим пониманием ответственности за исход восстания, справедливости, жалости и жестокости.

Создавая образы вождей восстания, Пушкин следовал за народными представлениями о смелых людях, подшавивших бунт, использовал поэтические представления народа о своих защитниках из пословиц и песен. Вспомним некоторые сцены. После принятия решения идти на Оренбург Пугачев предлагает: «„Ну, братцы, затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!“ Сосед мой затынул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором». Пели песню «Не шуми, мати зеленая дубровушка, Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати».

Песня рассказывала об удалом, смелом и отважном «разбойнике», «крестьянском сыне». Пойманный, он должен был «держаться ответ» перед «православным царем». «Добрый молодец» знает, что спрашивать будет грозный судья и что станет он ему отвечать. Не выдаст он своих товарищей, не покается в совершенном и без страха примет приговор. А «пожалует» его царь «среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами с перекладиной».

Песню эту не зря любил Пугачев — она выражала не только бесстрашие перед лицом смерти, но открывала его понимание жизни. Работая над «Историей Пугачева», Пушкин узнал из различных источников, что Пугачев предчувствовал поражение и неминуемую свою гибель. И это не остановило его. Продолжая возглавлять восстание и после поражения на Урале, перейдя Волгу, он поднял на бунт крепостных Центральной России. В «Истории Пугачева» Пушкин раскрыл тра-

гизм судьбы Пугачева. В романе именно сцена исполнения песни поэтически обнажала трагизм жизни народных героев.

Гринев это почувствовал сразу и потому пришел в смятение от увиденного и услышанного. «Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясало меня каким-то пиитическим ужасом».

Гринев правдиво рассказал о пережитом им во время исполнения песни. Но подлинное содержание всей этой драматической сцены бесконечно глубже гриневского ее восприятия. Рассказчика потрясает непостижимая его уму духовная свобода и смелость мятежников, преступивших законы самодержавного государства, бросивших вызов власти. Но, не понимая происходящего, Гринев почувствовал значительность, поэтичность, непохожесть этих удивительных мятежников, «злодеев», на всех известных ему людей.

2

Каждому читателю «Капитанской дочки» очевидно, что главное внимание Пушкина приковано к руководителю восстания Пугачеву. Создавая образ самозванца, Пушкин принципиально отказывается от предваряющей события обобщающей его характеристики. Пугачев входит в роман в ореоле тайны, поэтически. В вихре метели Гринев видит «что-то черное». «Должно быть, или волк или человек», — пытается догадаться ямщик. Неизвестный из метели, выведя заблудившегося Гринева на дорогу, именуется «вожатым», «бродягой», который с хозяином умета ведет странный, «воровской разговор».

Второй раз Пугачев появляется в романе уже в образе государя. И опять он изображен со стороны — так, как он виделся народу. «Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза». В первом и втором появлении

Пугачева дается описание его «наружности». Только одна выразительная деталь портрета — «живые большие глаза», «сверкающие глаза» — словно бы предупреждала читателя о значительности этого человека, вышедшего из метели.

Характер Пугачева строится динамически — в движении от «наружного» портрета к портрету глубоко психологическому, в нарастающем открытии читателю все новых и новых фактов его деятельности и прежде всего его правдивой жизни. Узнавание Пугачева осуществляется как открытие его духовного обновления, обусловленного событиями восстания. Метаморфоза Пугачева: «бродяга» — «государь»; лукавый, плутоватый казак — мудрый народный вождь, деликатный человек, живущий трагически прекрасной жизнью, — наглядно вскрывала творческий характер народной борьбы за свободу. Еще раз на примере судьбы Пугачева подтверждался важнейший принцип пушкинского реализма: именно в борьбе, протесте против несправедливых или враждебных обстоятельств человек может реализовать себя как личность.

Первый важный разговор Пугачева с Гриневым происходит в Белогорской крепости после окончания «военного совета». Неожиданно для рассказчика Пугачев предлагает Гриневу служить ему с усердием. Зачем, спрашивается, понадобился Пугачеву Гринев? А ведь он искренен в своем предложении. Замысел Пугачева прояснится окончательно позже. Гринев, собравшись с духом, заявляет Пугачеву, что не может признать в нем государя, и предупреждает: «...кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку».

Нет, не возмущается Пугачев, что Гринев не поверил ему, а, легко отмахнувшись от самозванства, сообщает доверительно собеседнику о своем замысле. Тут-то и открывается нам смелая, удалая, отважная личность русского человека, готового жизнью пожертвовать за свободу. «Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька...» И опять Пугачев зазывает Гринева к себе, великодушно обещая щедро наградить за верную службу: «...Я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья». Но Гринев тверд в своих убеждениях: «Я природный

дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу». Пугачев проявляет милость и доброту — отпускает Гринева. Но мы чувствуем, что отказ Гринева его огорчает...

Новые встречи с Пугачевым продолжают «странные приятельские» отношения дворянина с мятежником. Когда губернатор Оренбурга отказался помочь Гриневу выручить Машу Миронову, он дерзко решается ехать за помощью, за справедливостью к Пугачеву в Бердскую слободу. Такова была первоначальная редакция одиннадцатой главы («Мятежная слобода»). По цензурным соображениям Пушкин отказался от этого плана и в новом варианте главы указал, что в ставку Пугачева Гринев попал случайно. Важно же то, что свое обращение к Пугачеву за помощью Гринев мотивировал для себя и эта мотивировка обуславливалась знанием морального кодекса своего «приятеля», выступившего защитником народа. Оттого он и просит Пугачева защитить «сироту», которую обижают в Белогорской крепости.

Красноречива реакция Пугачева: «Глаза у Пугачева засверкали. „Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?“» Экспрессивно и эмоционально-убедительно характеризуется в этой сцене личность Пугачева, справедливая, гуманная политика народного государя.

Узнав, что защищаемая Гриневым «сирота» — его невеста, Пугачев вновь возвращается к своей идее изменить жизнь Гринева к лучшему, сделать его счастливым (предлагал же он пожаловать Гринева в фельдмаршалы и в князья!): «Твоя невеста! — закричал Пугачев. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем!»

Испытывая естественную благодарность к Пугачеву, Гринев начинает его жалеть. Чем откровеннее с ним Пугачев, тем большее чувство жалости испытывает к нему Гринев. Жалость эта и от непонимания Гриневым Пугачева. Оттого она, по контрасту, усиливает читательское восприятие нравственных убеждений Пугачева.

Рассказывая о смелом замысле идти на Москву, Пугачев тут же признается: «Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою

шею выкупят моею головою». Так вновь, уже открыто, подчеркивается трагизм судьбы Пугачева. Становится ясным, почему была любима им песня «Не шуми, мати зеленая дубровушка». Гринев даже в эту минуту не может не сказать ему несколько наставительных слов: «То-то!.. Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?»

Гринев в жалости своей и мил, и мал. Желание добра Пугачеву, конечно, не может не вызвать симпатии к нему. Но в то же время эта жалость к отважному человеку, жизнь которого вдохновенна и трагична, выявляет заурядность, прозаичность натуры Гринева, способного руководствоваться только философией здравого смысла. «Нет,— отвечал Пугачев,— поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать. Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

Вся сцена разговора Пугачева с Гриневым в кибитке, когда они ехали выручать Машу Миронову, носит программный для понимания романа характер. Сам Пугачев, мудрый и смелый вождь восстания, признается, что предчувствует поражение поднятого бунта и свою казнь. В его признании заложена важнейшая идея, открытая и сформулированная Пушкиным еще в «Истории Пугачева»: народное восстание закономерно, но оно не приведет к желаемым результатам. Гринев сформулирует эту истину со своих, к тому же чисто эмпирических позиций: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Пугачев знает, что восстание кончится поражением, но не считает бессмысленной борьбу за свободу. И не только потому, что надеется на возможную и временную победу («Авось и удастся!»). Им выстрадана иная, высокая вера, и выражена она в калмыцкой сказке.

Эпизод со сказкой — кульминационный в раскрытии образа Пугачева. Он многозначен, и потому нельзя его сводить (как это нередко делается) к извлечению морали из сказки, заявлять, что в ней аллегорически прославляется смелая короткая жизнь. Сказка обнаруживает глубину духовного обновления Пугачева. Живые, большие, сверкающие глаза, так запомнившиеся Гриневу и заворотившие его, предсказывали способность Пугачева к высоким чувствам, «к дикому вдохновению».

Вся сцена построена так, что сказка поэтически-непосредственно передает тайный смысл реальной жизни Пугачева: все известное о нем убеждает нас — не может этот человек орлиной натуры жить по законам воропа, не видит он смысла в долгой жизни, если нужно питаться мертвечиной. Есть иная жизнь — пусть недолгая, но свободная: «...Лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!»

Рассказанная Пугачевым сказка есть народно-поэтический аналог гимну Вальсингама, созданного Пушкиным. В гимне раскрыта пушкинская неистовая вера в человека и обретенное Вальсингамом новое понимание смысла жизни:

Есть упоение в бою...

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

Пушкин поэтизирует способность и возможность человека быть сильнее враждебных обстоятельств. Смысл бытия — в свободе распоряжаться своей жизнью (еще раз вспомним любимую песню Пугачева о виселице, которая потрясла Гринева «пиитическим ужасом»). Нет безвыходных положений, ибо, по своей природе, человек способен начать битву и обрести «неизъяснимы наслажденья» упоения боем.

Так на поэтической почве оказалось возможным сближение пушкинской и пугачевской точек зрения. Чуткая к художественному слову Пушкина, Марина Цветаева заметила эту близость. Высоко ценя диалоги Пугачева с Гриневым («все бессмертные диалоги Достоевского» отдаёт она за один подобный диалог), Цветаева справедливо пишет, что проходит он («как весь Пугачев и весь Пушкин») под эпитафией: «Есть упоение в бою У бездны мрачной на краю...». «В «Пире во время чумы» Пушкин это сказал, в «Капитанской дочке» Пушкин нам это — сделал»¹.

Но многое и отличает «Пир» и «Капитанскую дочку». В романе идеал жизни Пугачева раскрыт как

¹ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967, с. 118.

выражение убеждений народа. И самое главное: национально и социально обусловленная приверженность к свободе и непримиримость к рабству порождали представление о трагически прекрасной жизни — в постоянных сражениях за свободу, в готовности бросать вызов власти, в отказе от покорного и, может быть, долголетнего существования. Философия жизни Пугачева, сформулированная в сказке поэтически, преодолевала драму русского бунта: он может кончиться поражением, но он не лишен смысла, ибо правда истории на стороне свободного человека, истина в свобододолюбии народа, в его ненависти к угнетателям.

Пугачев оттого и находится в центре внимания Пушкина, что в нем — выразителе надежд и чаяний народа — ярко проявлялся национальный характер. Этим объясняется и широкое использование Пушкиным песен, сказок, пословиц для раскрытия взглядов и убеждений Пугачева.

Первое появление Пугачева (вторая глава) предваряется эпиграфом — стихами из «старинной» рекрутской песни. Ее герой, размышляя над тем, что завело его в «сторону незнакомую», отвечает: «Завезла меня, доброго молодца, Прытость, бодрость молодецкая И хмелинушка кабацкая». Эпиграф задавал тон рассказу о Пугачеве как народном герое, «добром молодце», с его «прытостью, бодростью молодецкою». Глава шестая с выразительным названием «Пугачевщина» тоже сопровождалась песенным эпиграфом: «Вы, молодые ребята, послушайте, Что мы, старые старики, будем сказывать». Песня эта историческая — в ней дается народная версия героического взятия Казани. Смысл эпиграфа в подчеркивании народной памяти о знаменитейшем в истории России событии. Оттого событие это именуется так, как назвал восстание народ, — «пугачевщина».

Пословицы Пушкин ценил не только за их высокие художественные достоинства. В них в поэтической форме запечатлелся исторический, социальный, нравственный опыт народа, его жизнь, его быт, его интересы, его воззрения и идеалы, его мудрость. Они воссоздавали огромный, глубоко содержательный мир народной жизни.

Вот почему речь Пугачева пересыпана пословицами и поговорками. Они отлично и органично выражали его

русский, народный образ мысли и склад речи. Складно и хитро, с намеком и иносказательно, умно и поэтически говорит Пугачев. Вольная мысль вожатого Пугачева, его окольный разговор о главном: о том, что захватило навсегда душу, — о свободе. Это остро почувствовала Цветаева: «А Вожатого — поговорки! Круглая как горох самокатная окольная речь наливного яблочка по серебряному блюдечку — только покрупнее! Поговорки, в которых я ничего не понимала и понять не пыталась (речь идет о детском восприятии. — Г. М.), кроме того, что он говорит — о другом: самом важном. Это была первая в моей жизни иносказательная речь... — о том самом — другими словами...»¹

Поэтичность образа Пугачева обусловлена и открытием Пушкиным-реалистом поэзии мятежа. Оттого, показывая борьбу двух враждебных лагерей расколовшейся нации, Пушкин противопоставляет образ жизни народа образу жизни дворянства. Вспомним, как живут старики Гриневы и пошлый, недалекий губернатор Оренбурга, как, например, изображается военный совет в Оренбурге. Заседание это нарисовано очень колоритно. Городу грозит смертельная опасность. Но даже это испытание не меняет поведения людей. Военный совет происходит во время чаепития с ромом. Чиновники обсуждают предложенный генералом вопрос, какую тактику борьбы с Пугачевым должно избрать: наступательную или оборонительную? Побеждает неожиданно высказанное «старичком в глазетовом кафтане» третье предложение: «Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно». Смысл этого предложения — «обещать за голову бездельника (Пугачева. — Г. М.) рублей семьдесят или даже сто... из секретных сумм». Таков умственный уровень руководителей обороны Оренбурга, представляющих самодержавную власть, защитников интересов дворянства.

В противопоставлении двух лагерей, как справедливо заметил еще сорок лет назад В. Александров, «народное движение выступает как смелое, талантливое, как поэтическое в самом серьезном и значительном смысле этого слова»². Лагерь дворянства начисто лишен поэтического начала. Его жизнь прозаична,

¹ Цветаева М. Мой Пушкин, с. 109—110.

² «Литературный критик», 1937, № 1, с. 25.

бездуховна, примитивна, а подчас откровенно ничтожна.

Историзм мышления Пушкина, реализм, с его глубокой и беспощадной правдой, делали невозможной, при высокой оценке исторической роли народа, его идеализацию. Ни в «Истории Пугачева», ни в «Капитанской дочке» Пушкин не скрывает темных сторон восстания и поведения мятежников: мелкие грабежи (например, в Белогорской крепости «несколько разбойников» «таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь»); возможность предательства Пугачева его же товарищами; жестокость Пугачева и народа в борьбе со своими мучителями. Жестокость часто бессмысленная, как, например, расправа с женой капитана Миронова. Стоит также вспомнить хотя бы судьбу Харловой, которую Пугачев после убийства ее мужа, офицера, делает своей наложницей, а потом, по требованию казаков, отправляет на расстрел вместе с маленьким братом («История Пугачева»). В «Капитанской дочке» этот реальный эпизод крестьянской войны упоминается в письме Маши к Гриневу. Швабрин, сообщала она, «обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой».

Пушкин ничего не скрывает. Он объясняет. Жестокость порождена и беспощадной борьбой двух смертельно враждебных сторон и веками накапливавшейся ненавистью к угнетателям. Именно это чувство обнаженно выступает в требовании Белобородова — вешать всех дворян.

Изображая народ в «Капитанской дочке», Пушкин «помнил» о Радищеве: ко времени работы над романом относится внимательное чтение радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» и написание своеобразного ответа Радищеву — «Путешествия из Москвы в Петербург» (писалось до января 1835 года). Радищев первым указал на народ как на ту политическую силу, которой предстоит обновить Россию. Он категорически утверждал, что свободы должно ждать от самой тяжести порабощения. Но, героизируя крестьян, Радищев никогда не впадал в их идеализацию. Оттого, например, он описал в главе «Медное» холуйство крепостного, «раба духом», который, угождая помещику, отдал

ему на поругание свою молодую жену, став «спутником мерзостей» господина.

Изображение народа в «Капитанской дочке» преемственно соотносится с радищевским «Путешествием». Но в то же время оно принципиально отличается от радищевского — и не только художественным уровнем. Радищев был революционером, Пушкин, веря в народ, не призывал к революции.

Подчеркивая свобододолюбие и мятежность народа, Пушкин видит, показывает и объясняет и другую сторону национального характера, сформированную рабством, — смиренность и послушание. Реализм писателя позволил ему раскрыть и величие народа, его историческую миссию, и глубоко драматичную, исполненную острых противоречий судьбу народа в самодержавном крепостническом государстве.

3

Савельича и Миронова, при всем различии их судеб, объединяет и нечто общее — отсутствие самосознания. Они живут во власти традиции, их отличает стереотипность мышления. Постоянно, из поколения в поколение повторяющийся образ жизни представляется им единственно возможным. Незыблемость существующего положения, освященного к тому же религией, — только эта истина доступна им. Оттого они никогда не смогут ответить на обиду и оскорбление, не смогут преступить рубеж, за которым их держит власть — помещичья или правительственная.

В. Ф. Одоевский после первого прочтения «Капитанской дочки» понял замысел Пушкина. Он писал поэту: «Савельич чудо! Лицо самое трагическое, т. е. которого больше всего жаль...» Отчего же Савельича жаль? Он ведь честно прошел через все испытания, выпавшие на его и Гриневу долю; никаких несчастий и происшествий, которые бы изменили его судьбу, с ним не произошло, он был и остался верным слугой молодого барина. Но В. Одоевский прав — Пушкин написал Савельича так, что его действительно жаль и нам, нынешним читателям. Надо только понять, почему мы жалеем Савельича, что таится за этой жалостью.

Крепостной, дворовый человек, Савельич исполнен чувства достоинства, он умеет, смышлен, ему присуще чувство ответственности за порученное дело. А доверено ему многое — он фактически занимается воспитанием мальчика. Он научил его грамоте. Насильственно лишенный семьи, Савельич испытывал к мальчику и юные поистине отцовскую любовь, проявляя не холопскую, но искреннюю, сердечную заботу о Петре Грипее.

Но чем больше мы узнаем в Савельиче подлинно русский, народный характер, тем полнее постигаем страшную правду о его смирении, тайну этой проповедуемой добродетели народа.

Подробное знакомство с Савельичем начинается после отъезда Петра Грипева из родительского дома. И всякий раз Пушкин создает ситуации, в которых Гринев совершает проступки, оплошности, а Савельич его выручает, помогает, спасает. Но он не слышит слов благодарности. На другой же день после отъезда из дому Гринев папился пьяным, проиграл Зурину сто рублей, «отужинал у Аринушки». Савельич «ахнул», увидя пьяного барина. Гринев же обозвал его «хрычом» и приказал уложить себя спать. Наутро, проявляя господскую власть, он велит уплатить проигранные деньги: «Я твой господин, а ты мой слуга», — говорит он. Такова мораль, оправдывающая поведение Гринева.

Когда Савельич узнает о дуэли Гринева с Швабриным, он мчится к месту дуэли с намерением защитить своего барина. «Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча». Гринев не только не поблагодарил старика, но еще и обвинил его в доносе родителям. Если бы не вмешательство Савельича в момент суда и присяги, Гринев был бы повешен. Вот как он сам рассказывает об этой сцене: «Вдруг услышал я крик: «Постойте, окающиеся! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили».

Савельич совершил подвиг. Он готов был занять место Гринева под виселицей. Барин остался глух к самоотверженному поступку старика. Бессознательно усвоенное право крепостника распоряжаться чужой жизнью делало его равнодушным. А Савельич покорно принимает это равнодушие к себе своего барина... Становится не только жалко старика, но и страшно за него.

С наибольшей полнотой характер Савельича и природа его смиренности раскрываются в эпизодах, связанных с дуэлью. Гринев-отец, узнав о дуэли сына, пишет Савельичу грозное и оскорбительное письмо. Гринев-сын обвиняет старика в доносе. Особенность созданной Пушкиным ситуации состоит в том, что Савельича обвиняют и оскорбляют ни за что!

Письмо Гринева-старшего — письмо помещика, действующего по произволу: «Я тебя, старого пса! пошлю свиной пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку». На дуэль вызывает дворянин Гринев, другой дворянин — Швабрин — тайно и подло доносит родителям своего соперника, а отвечает за все безответный, ни в чем не виноватый Савельич.

Узнав правду, Петр Гринев не считает нужным написать отцу и защитить верного ему человека. Письмо пишет сам Савельич. Письмо это — замечательный образец пушкинского проникновения в психологию, обнаруживающую глубинные чувства человека.

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний; а я, не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос...». «А изволите вы писать, что сошлете меня свиной пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски. Верный холоп ваш *Архип Савельев*».

Письмо дышит смирением и покорностью «верного холопа», и в то же время оно глубоко печально: оскорбленный человек проявляет искреннюю заботу о матери Петра Гринева, которая «с испуга слегла»; он успокаивает и утешает барыню, сообщая о здоровье ее сына после ранения, обещает «за ее здоровье бога молить».

Но письмо потрясает драматизмом подавления в себе гордости и достоинства, естественного и оправданного возмущения несправедливыми, грубыми оскорблениями и угрозами.

За готовностью принять барское наказание («свиной пасти») мы чувствуем затаенную обиду оскорбленного человека. Это понял Гринев: «Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны»...» Образ Савельича открывал великую истину: смирение не добродетель, но навязанная властью мораль, которая превращает человека в раба.

Таким мы узнаем Савельича до начала «пугачевщины». Мы не можем не жалеть его, не сочувствовать его горькой судьбе. Но наша жалость обретает иной смысл, когда Савельич, как и его барин, попадает в «метель» стихийного русского бунта. Братья Савельича по судьбе воспрянули духом, преступили закон, который обездоливал их, бросили вызов господам и власти. Савельич видит восстание, знает самого Пугачева, но он глух к провозглашенной мятежниками волюности, он слеп к событиям и судит о них с позиций своих хозяев. Оттого Пугачев для него — «злодей» и «разбойник».

Пушкин создает пронзительную по своему эмоциональному воздействию трагикомическую сцену: Савельич подает «реестр барскому добру, раскраденному злодеями...». Пугачев и Савельич сведены в одной ситуации, и поведение их в создавшихся обстоятельствах обнаруживает пропасть между двумя пародными характерами.

Пугачев — народный государь — мудр, по-детски наивен, строг и отходчив в гневе, комичен в своей роли «амператора» и великодушен в своем решении. Сцена начинается с того, что Пугачев, выйдя на крыльцо, приветствует собравшийся народ, мечет пригоршнями деньги в толпу, напутствует отпущенного Гринева: «Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе

через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни».

В этот момент Савельич и вышел из толпы, чтобы передать Пугачеву свой реестр. Холоп Савельич знает грамоту. Мятежник и вождь восстания неграмотен. «„Это что?“ — спросил важно Пугачев. — «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. „Что ты так мудро пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?“»

Комизм поведения Пугачева и детскость его игры не унижают мятежника, но по-доброму высвечивают его личность, весело и светло раскрывают его духовный мир.

Но и Савельич, благодаря созданной Пушкиным ситуации, не унижает себя холопской просьбой вернуть украденные барские халаты, полотняные голландские рубашки с манжетами, погребец с чайной посудой.

Масштабы интересов Пугачева и Савельича несоизмеримы. Но, защищая разграбленное добро, Савельич по-своему прав. И, главное, читателя не может оставить равнодушным смелость и самоотверженность старика. Дерзко и бесстрашно обращается он к самозванцу, не думая, чем грозит ему требование вернуть вещи, «раскраденные злодеями». Еще и еще раз мы становимся свидетелями самоотверженности Савельича — то бежал, чтобы подставить грудь под удар шпаги Швабрина, то предлагал Пугачеву повесить себя вместо Гринева, а теперь вот отстаивает добро своего воспитанника. В этом проявлялось уже не холопство, но высокие достоинства личности Савельича, его преданность любимому человеку.

Из другого мира обращается к нему Пугачев: «Что за вранье?.. Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?» (Прекрасно это презрительное — «штаны с манжетами!» — Г. М.). «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками?» «Заячий тулуп! Я те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?» Пригрозив, Пугачев «отворотился и отъехал, не сказав более ни слова». «Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади

один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления».

Народ с Пугачевым — пошел его провожать. Одиноким Савельич остается со своим господином. Он, только что совершивший героический поступок, искренне сожалеет, что не добился возвращения гриневских вещей. Сцена эта исполнена символического смысла: характеры, подобные Савельичу, не исключение — их миллионы, от них во многом зависит будущее России...

Писатель сочувствует Савельичу; показывая его драму, он заставляет нас полюбить старика. Но восхищается и любит он Пугачевым.

4

При рассмотрении образа капитана Миропова исследователи, стремясь подчеркнуть художественную удачу Пушкина, обычно ссылаются на мнение Гоголя. Высоко ценя «Капитанскую дочку», он утверждал, что пушкинский роман «решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде». При этом, по мнению Гоголя, главная заслуга Пушкина состоит в создании русских характеров. Что имел в виду Гоголь? «В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей, всё — не только самая правда, но еще как бы лучше ее»¹.

В самом деле, «честный и добрый», скромный, лишенный амбиции и честолюбия, «беспечный», готовый подчиняться жене («Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком»), капитан Миронов был мужественным солдатом, получившим офицерское звание за храбрость, проявленную в прусском походе и в сражениях с турками.

Миронову свойственно чувство верности долгу, слову, присяге. Он не способен на измену и предатель-

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1952, с. 384.

ство — примет смерть, но не изменит, не отступится от исполнения службы. В этом и проявляется его русская натура, истинно русский характер.

Таков Миронов, ценимый Гоголем. Многие в его оценке справедливо, верно угадано. И все же пельзя смотреть на Миронова глазами Гоголя, да еще Гоголя 1846 года, когда было высказано приведенное суждение (из статьи «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Именно в это время Гоголь считал нужным распространять и утверждать миф о примирении Пушкина с Николаем, о благоговейном отношении поэта к самодержавию.

В рамках этих убеждений Гоголя и следует воспринимать восхищение Мироновым, образцовым исполнителем своего долга перед государыней императрицей. Характерно, что в 1833 году Гоголь, прочтя «Историю Пугачева», пришел в восторг от образа Пугачева. В 1846 году он Пугачева не вспомнил, а на первое место в романе выдвинул Миронова.

На капитана Миронова мы обязаны смотреть глазами Пушкина. Созданный им образ и богаче, и сложнее, и, главное, драматичнее, чем его понимал и толковал Гоголь.

Изучение жизни русского народа помогло Пушкину понять сложность и динамичность такой категории, как национальный характер, волновавший и русских писателей XVIII века, и декабристов. Национальный характер каждого народа самобытен и неповторим, как самобытны и неповторимы историческая судьба каждой нации и пути ее развития. Он изменчив, никогда не окостеневает, не превращается в некую метафизическую и устойчивую совокупность заданных «по природе» качеств и психологических свойств, он постоянно развивается, в зависимости от меняющихся общественных, социальных и исторических обстоятельств жизни нации. Условия жизни и поднимают к высоким нравственным нормам, и они же, в других обстоятельствах, оказываются силой, искажающей человеческую натуру вообще и «русскую душу» в частности. Церковь с ее проповедью смирения, политическое бесправие и деспотизм власти навязывали личности чувство униженности, холопства и страха.

Уже во время восстания Пугачева обострился интерес литературы к жизни народа, его судьбе и его

истории. Вопрос о национальном характере приобретал политическое значение. Понимание его сложности и многогранности приводило к желанию выявить и обозначить главное в этом характере. При этом понимание «главного» — «хорошего» и «плохого» — в национальном характере подсказывалось и классовыми интересами, и потребностями политического момента. Так появилось представление о двух доминантах как двух полюсах национального характера — мятежности и смирения, послушания. Естественно, при таком подходе в многогранном содержании национального характера акцентировалось внимание лишь на некоторых, правда, ведущих его свойствах.

Общественному обнаружению этого всеобщего интереса к русскому национальному характеру и определению его доминант способствовало выступление Фопвизина. В 1783 году писатель послал в правительственный журнал «Собеседник любителей российского слова» «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Среди «вопросов» был и такой: «В чем состоит наш национальный характер?» На него ответила сама императрица Екатерина II: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании...»

Писатели, и в первую очередь Радищев, давали противоположный ответ: в мятежности, в вольнолюбии.

Пушкин отлично знал мысли и Фонвизина, и Радищева, а «Несколько вопросов...» он даже перепечатал в «Современнике» (во втором номере за 1836 год). Образцовое послушание составляет существо русского характера Ивана Кузмича Миронова. Комендант Белогорской крепости лишь по службе принадлежит к правительственному лагерю — он выходец из народа и связан с ним и воззрениями, и традициями, и образом мышления. «Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый».

Образцовое послушание Миронова для Пушкина не добродетель, но тот психологический склад, который ему навязывается. В послушании фокусировались предрассудки исторически складывающегося национального

характера. Добрый по природе, он буднично прост в своей жестокости, когда отдает приказ пытать башкирца. Он храбр, деятелен, но все его действия не овеяны сознанием. Восстание Пугачева сделало его участником исторических событий — он ни разу не задумался о том, что происходит; им движет образцовое послушание своему начальству, своей государыне. Послушание открывает нам плененную мысль. Отражая приступ мятежников, Миронов проявляет героизм, но защита крепости не воодушевляет его, не поднимает к новой жизни.

Всмотримся в эту сцепу. Миронов готовит гарнизон к вылазке против отрядов Пугачева. «„Ну, ребята, — сказал комендант; — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!“»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. „Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать, так умирать: дело служивое!“» Призыв Миронова не выражает его убеждений. Это увещание исполнить службу. Оттого ни героическая вылазка лишь трех офицеров, ни приказ коменданта не находят отклика у солдат гарнизона. Нет ни в этом призыве, ни в личном примере Ивана Кузмича той увлекающей и возбуждающей силы, которая преобразует человека, открывая в нем скрытые нравственные резервы богатой личности.

Иначе изобразил Пушкин последние минуты жизни коменданта. Поведение Миронова под виселицей не может не вызвать восхищения — он тверд в своих ответах и решении принять смерть, но не изменить присяге и долгу. Верность и спокойное мужество перед лицом смерти совершенно с новой стороны раскрывают нам характер старого солдата Миронова.

Патриархальность быта Мироновых, следование народным традициям (например, великолепная сцена прощания Ивана Кузмича с женой и дочерью перед штурмом крепости), речь коменданта, исполненная идиомов и народных словечек, — все это только оттеняет, подчеркивает драматизм судьбы человека из народа, занятого защитой несправедливого строя. На таких, как Миронов, держится государство. Его храбрость, верность долгу и присяге, его героизм без аффек-

тации, будничный, повседневный труд и удивительное терпение, его нравственная цельность и глубокая человечность есть черты характера глубоко русского, по-человечески симпатичного. Пушкин открыл этот характер русской литературе, и он будет в дальнейшем показан и раскрыт в новых и иных условиях Лермонтовым и Толстым. Но, подчеркивает Пушкин, судьба Миропова драматична. Это с особой эмоциональной силой выражено в сцене прощания Василисы Егоровны с повешенным мужем.

Увидев Ивана Кузмича на виселице, она «закричала в иступлении»: «Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот...»

Василиса Егоровна оплакала мужа по обряду народному, как вопленица, проводила мужа в последний путь солдатским причитанием, нарекла погибшего поэтическим именем «удалая солдатская головушка». Смерть от своих обнажала трагизм столкновения двух стихий — мятежности с послушанием.

После смерти в первый и последний раз русский человек, капитан Миропов, предстал перед читателем, овеянный поэзией прощания народа со своим сыном. И в этом прощании отдавалась дань всему лучшему в погибшем — о плохом не вспоминалось, народ отпускал грехи усопшему. Ему, народу, самому предстояло решать свое будущее, преодолевать драму своей исторической судьбы.

Вопрос о пародии после поражения декабристского восстания и начавшегося кризиса дворянской идеологии велением времени становился главным в русской общественной жизни. Без понимания этого нельзя было представить себе пути дальнейшего развития страны. Историческая заслуга Пушкина состоит и в смелой, решительной постановке этого вопроса перед обществом и литературой, и в утверждении веры в творческие силы народа, и в определении главной доминанты русского национального характера. Русская литература навсегда усвоила завет Пушкина — пародия станет ее главным героем.

Гоголь еще при жизни Пушкина и до написания «Капитанской дочки» угадал и определил решающую особенность пушкинского изображения народа: умение передавать «дух народа» и, главное, смотреть на все явления жизни, в том числе и на жизнь народную, «глазами народа». Бесспорно, что изображение активной деятельности народа в повести «Тарас Бульба» обусловлено освоением опыта Пушкина молодым Гоголем.

Русская литература поняла и приняла великие открытия Пушкина. Достоевский настойчиво подчеркивал зависимость всех последующих писателей от Пушкина, и в первую очередь — в изображении народа. «Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того был беспримерен и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь если не чудом, то необычайною величиною гения, которого мы прибавлю к слову, до сих пор еще оценить не в силах».

Эта мысль настойчиво проводится во многих произведениях Достоевского. Через год после приведенного высказывания он писал: «С него (Пушкина. — Г. М.) только начался у нас настоящий сознательный поворот к народу... Вся теперешняя *плеяда* наша работала лишь по его указаниям, *нового* после Пушкина ничего не сказала. Все зачатки ее были в нем, указаны им»¹.

Пониманию пушкинского подлинно исторического отношения к народу поможет суждение умнейшего русского писателя Щедрина: «Итак, источник сочувствия к народной жизни, с ее даже темными сторонами, заключается отнюдь не в признании ее абсолютной непогрешимости и нормальности (как это допускается славянофилами), а в том, что она составляет конечную цель истории, что в ней одной заключается всё будущее благо, что она и в настоящем заключает в себе единственный базис, помимо которого никакая человеческая деятельность немыслима»².

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 11. М. — Л., 1930, с. 185, т. 12, с. 208.

² Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, с. 323.

История такого сочувствия к народной жизни, понимание, что народная жизнь составляет копейную цель истории, что и в настоящем она является той основой, которая наполняет человеческую деятельность высоким смыслом, начинается с Пушкина. В романе «Капитанская дочка» это понимание роли народа выражено с наибольшей полнотой. При этом существенно важно, что формированию такого понимания способствовал Радищев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЮБОВЬ

1

Стремление человека к счастью закономерно. Но верный правде жизни, Пушкин показывал трагическое разрешение любовной коллизии. Не смогли стать счастливыми герои романтических поэм. Роман «Евгений Онегин» раскрыл драму двух любящих и нужных друг другу людей, но навсегда разделенных. О гибели счастья Пушкин писал и в «Повестях Белкина», и в «Дубровском», и в «Медном всаднике», и в «Пиковой даме». В 1834 году в лирическом стихотворении поэт с горечью констатировал: «На свете счастья нет...»

В своем последнем романе Пушкин вновь вернулся к этой так волновавшей его проблеме. Любовь Гринева и Маши — это любовь юных, чистых, только еще вступающих в жизнь людей. Оттого она так естественна, искренна и человечна. И она разрушается вмешательством Гринева-отца. Деспотический родительский запрет выявлял нелепость идеалов общества, в котором отец, движимый заботой о благополучии единственного сына, не позволяет ему жениться на той, которую он любит.

Действие отца вызвало соответствующую реакцию сына: «Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым».

Жизнь подсказала Пушкину еще один типичный случай крушения счастья. Но на этот раз Пушкин продолжил рассказ о судьбе любящих и о их любви после того, как жестокой родительской волей они были

разлучены. Продолжение это носило эстетически новаторский характер: Пушкин подверг любовь Гринева и Маши Мироновой беспримерному испытанию — испытанию пародной войной.

«Неожиданное происшествие» («пугачевщина») круто изменило судьбу героев. Бессобытийная, тихая жизнь внезапно кончилась. Беспредельно менявшиеся обстоятельства жизни требовали мужества и стойкости, они проверяли убеждения и нравственные принципы героев романа. Обрушившееся на Машу горе — казнь родителей — не сломило ее: она оказалась способной проявить сопротивление домогательствам Швабрина.

Испытания нравственно закаляли, душевно обогащали и Гринева, и Машу Миронову. Сами того не замечая, они становились иными, — грозные события войны подрубали те устои, на которых держались их верования. Обстоятельства требовали от них сопротивления, отстаивания своих прав, своей независимости. Отправляясь в Бердскую станицу к Пугачеву с просьбой выручить из беды «сироту», Гринев на его вопрос: «...Какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает?» — естественно и честно отвечает: «Она невеста моя». Самое удивительное в этом ответе, что Гринев не замечает своего ослушания, что он преступил через родительский запрет.

Но Пушкин стремится сосредоточить на этом внимание читателя. Поэтому он показывает, как дальнейшие события и «перевоспитывают» героев, и обновляют их. Освободив Марию Ивановну из заточения, Пугачев, довольный, что сделал доброе дело, весело говорит Гриневу: «Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом...»

Гринев испугался этой милости самозванца: недостойно и неприлично для дворянина, чтоб на его свадьбе посаженным отцом был мужик и «злодей». Он попросил: «Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет». Пугачев и на этот раз удовлетворил просьбу Гринева.

Этот эпизод открывает и Гриневу, и читателю удивительную человечность морали Пугачева. Узнав, что

двое молодых людей любят друг друга, он стремится содействовать их счастью. Любите? Тогда соединяйтесь, женитесь, будьте счастливы: «Возьми себе свою красавицу; вези ее, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!»

Первый раз в художественном мире Пушкина любящие отстояли свое счастье. Обстоятельства перестали быть им враждебными. Человек, от чьей воли они зависели, не помешал их жеманству, не расстроил ее, по уничтожил все возникавшие на пути трудности и препятствия и благословил. И этими обстоятельствами оказалась народная война, а этим человеком — Пугачев. Не по обряду, а по самой сути он стал посаженным отцом Гринева и Маши Мироновой.

Гринева осознал, что именно Пугачев помог ему и Маше Мироновой преступить порог послушания. Оттого он объявляет Маше, что он считает ее своей женой — здесь же, в крепости Белогорской, где было получено запретное письмо отца. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить».

Но испытания любви Гринева и Маши продолжались и после их благословения Пугачевым. Гринева увозит нареченную жену из крепости, поручает Савельичу доставить Марью Ивановну к своим родителям, а сам остается в императорских войсках исполнять «долг чести». После нескольких месяцев борьбы восстание было жестоко подавлено. Гринева получил отпуск для поездки к родителям. «Вдруг неожиданная гроза меня поразила» — командир отряда получил секретный приказ арестовать Гринева и отправить в Казань в Следственную комиссию по делу Пугачева.

Суд был быстр и несправедлив — несправедлив потому, что Гринева приговорили к казни по обвинению в измене присяге и переходе на сторону Пугачева, то есть в преступлениях, которых он не совершал. Читатель отлично знает, что Гринева отказался присягать Пугачеву и не служил у него. «Позорная казнь» была заменена Екатериной II на ссылку «в отдаленный край Сибири на вечное поселение». Это известие едва не убило отца Петруши. Он был потрясен и оскорблен сыном: «Не казнь страшна... — говорил он. — Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбой-

виками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..»

Гринева-отец поверил обвинениям, поверил приговору суда, поверил в возможность измены своего сына и потому примирился с судьбой. Он покорно принял известие о ссылке в Сибирь сына, обвиненного в измене.

В это тяжелое для семьи Гриневых время на авансцену романа выходит Маша Миронова. Воспитанная в покорности, унаследовавшая от отца образцовое послушание чужой воле, чужим приказам, чужим решениям, она сейчас отеклась от покорности и послушания. Уверенная в невинности Гриневой, она взбунтовалась против обвинения и приговора и твердо решила спасти любимого человека. При этом она вступала в борьбу не только за свое счастье, но и за справедливость. Приговор, подписанный Екатериной II, она считала несправедливым.

Последние страницы романа, его финал посвящены Марье Ивановне. Она едет в столицу добиваться правды у императрицы. Но, чтобы понять поступки и действия дочери капитана Миронова, нужно разобраться в том, зачем Пушкин вводит в роман Екатерину II, как ее изображает?

2

За многие десятилетия изучения «Капитанской дочки» на эти вопросы давались самые различные и часто противоречивые ответы. В конце XIX века, например, А. Д. Галахов объяснял введение сцены свидания Маши с Екатериной II простым «подражанием» Пушкина Вальтеру Скотту: «Дочь капитана Миронова поставлена в одинаковое положение с героиней «Эдинбургской темницы», героиня которой Дженни Динс «выпрашивает прощение» у королевы»¹.

Толковали изображение Пушкиным Екатерины II и с реакционных позиций, как стремление автора романа продемонстрировать глубокое уважение к самодержице всероссийской.

Советские пушкинисты долгое время объясняли и введение в роман императрицы, и особенности ее

¹ «Русская старина», 1888, № 1, январь, с. 27.

изображения цензурными обстоятельствами. В свое время Д. П. Якубович писал: «Попытавшись показать Екатерину «домашним образом», Пушкин в заключение вынужден был все же дать ее образ и в традиционно-официозном, почти лубочном тоне как образ милостивой царицы, видимый глазами героев-дворян. Этот образ пахочится в вопиющем противоречии с обычными резко отрицательными мнениями самого Пушкина о «развратной государыне»... Попятно, без условно-сусального лика Пушкин не мог бы и думать о проведении своего романа в печать»¹. В последующем мысль об отрицательном и сниженном изображении Екатерины в романе стала господствующей.

Несомненно, подобные трактовки изображения Пушкиным Екатерины II в силу своей противоречивости и прямолинейности не могли не вызвать протеста. Ю. М. Лотман справедливо писал, что «приходится решительно отказаться как от упрощения от распространенного представления о том, что образ Екатерины II дан в повести как отрицательный и сознательно-сниженный».

Ю. М. Лотман не только отказывается от упрощения, но указывает, что не цензурными, а глубоко идейными соображениями руководствовался Пушкин, когда решил, наряду с фигурой самозванца, изобразить царствующую императрицу. Установив необходимость рассмотрения этих двух образов во взаимосвязи, исследователь так определяет смысл и характер этой связи: в «Капитанской дочке» Пушкина «Екатерина II помиловала Гринева, подобно тому как Пугачев — Машу и того же Гринева».

Основанием уравнивания является слово «подобно» — это «подобное» заключается в торжестве человечности: «В основе авторской (пушкинской. — Г. М.) позиции лежит стремление к политике, возводящей человечность в государственный принцип, не заменяющей человеческие отношения политическими, а превращающей политику в человечность».

Исследователь, признавая утопический характер подобных убеждений Пушкина, настаивает на своей точке зрения, полагая, что именно она объяснит и

¹ См. в кп.: Пушкин. Временник. М.—Л., 1939, кн. 4—5, с. 192—193.

смысл «Капитанской дочки», и причину введения в роман образа Екатерины II. «Во вторую половину 1830-х гг. для Пушкина характерны утопические попытки отделить личность царя от государственного аппарата. Отделив его — живого человека — от бездушной бюрократической машины, он надеялся, сам ощущая утопичность своих надежд... на помощь человека, стоящего во главе государства, в деле преобразования общества на *человеческой* основе, создания общества, превращающего человечность и доброту из личного свойства в государственный принцип»¹.

В данной работе нет возможности подробно рассматривать предложенную Ю. М. Лотманом концепцию пушкинского творчества 1830-х годов. Укажу лишь на то, что конструирование ученым утопической системы убеждений Пушкина коренным образом противоречит и реальному содержанию написанных поэтом произведений, и, главное, его художественному методу. Потому остановлюсь лишь на том, как предложенная Ю. М. Лотманом концепция налагается на роман и как в соответствии с ней толкуется образ Екатерины II и его соотношение с образом Пугачева.

Введение образа Екатерины II в роман объясняется исследователем как желание Пушкина уравнивать действия самозванца и царствующей императрицы по отношению к Гриневу и Марье Ивановне. «Подобность» действия состоит в том, что и Пугачев, и Екатерина II — каждый в сходной ситуации выступает не как правитель, а как человек. «Пушкину в эти годы глубоко свойственно представление о том, что человеческая простота составляет основу величия (ср., например, «Полководец»). Именно то, что в Екатерине II, по повести Пушкина, рядом с императрицей живет дама средних лет, гуляющая по парку с собачкой, позволило ей проявить человечность. «Императрица не может его простить», — говорит Екатерина II Маше Мироновой. Но в ней живет не только императрица, но и человек, и это спасает героя, а непредвзятому читателю не дает воспринять образ как односторонне отрицательный».

¹ Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962, с. 17, 16, 18.

Итак, человечность Екатерины II в том, что она проявляет милость к Гриневу. Как же это доказывается? Гринева, пишет исследователь, суд осудил «с точки зрения формальной законности дворянского государства справедливо». (Запомним это.) Затем дело перешло к императрице. Судьба Гринева в ее руках, она «должна осуществить правосудие и, следовательно, осудить Гринева»¹. (Обратим внимание на логику этого заявления.) И, наконец, вывод: в императрице торжествует человек, и она, проявляя милость, освобождает осужденного Гринева.

Как видим, утверждение, что Пушкин исповедовал утопическую идею о превращении политики в человечность, зиждется на толковании освобождения Гринева как милости Екатерины II, приравненной к милости Пугачева. С этим трудно согласиться. Как справедливо писал исследователь, «Капитанская дочка» «настолько общеизвестное произведение», что всякое отступление от текста или «грубое насилие над пушкинским текстом» легко обнаруживаются.

Разберемся в предложенных аргументах. Исследователь утверждает, что суд осудил Гринева справедливо. Обратимся к тексту романа. Исходное обвинение, послужившее поводом для ареста, было сформулировано членом Следственной комиссии так: «по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?» Естественная реакция Гринева: «Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог». Негодование Гринева оправданно, и он отвечал суду искренне. Мы знаем, что обвинение это — вымысел, оно не соответствует фактам подлинного поведения Гринева.

Возможность измены Гринева как бы подсказывалась судьям странной судьбой Гринева: его не повесил Пугачев, был он на «пирушке» у «злодеев», принял «от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег».

Гринев разъяснил: «как началось мое знакомство с Пугачевым в степи во время бурана; как при взятии

¹ Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки», с. 17, 15.

Белогорской крепости он меня узнал и пощадил». Объяснение уже почти удовлетворило членов Следственной комиссии. Дальше необходимо было сообщить о цели поездки к Пугачеву — для освобождения Марьи Ивановны. Гринев из чувства такта не захотел, чтобы «комиссия потребовала ее к ответу», и потому замолчал.

«Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем».

В этом сообщении важно то, что судьи были *предубеждены* против Гринева и что основой этой предубежденности явился *донос Швабрина*. Швабрин «повторил обвинения свои»: «по его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца».

Показания эти были откровенной ложью, грубым оговором. Пушкин сознательно подготовил читателя для восприятия их лживости. Да, Гринев из Оренбурга приезжал в мятежную слободу к Пугачеву, но он не служил у Пугачева, не был его шпионом. Более того, мы знаем, что на вопрос Пугачева о положении в Оренбурге он ответил неправду:

«— Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава богу,— отвечал я; — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачев. — А народ мрет с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов». Сора́тники Пугачева уличили Гринева в обмане.

Да, Гринев выезжал из Оренбурга, чтобы «перестреливаться с пугачевскими наездниками», но он не передавал им никаких письменных известий для Пугачева. Правда, однажды он наехал на казака и «готов был уже ударить его своею турецкою саблею», да узнал в нем белогорского урядника Максимыча,

передавшего ему письмо Марьи Ивановны, в котором она сообщала о притеснениях Швабрина.

Да, Гринев ездил с Пугачевым из Бердской слободы в Белогорскую крепость, но ездил для того, чтобы выручить дочь капитана Миронова.

Верный своему решению не впутывать в следствие Марью Ивановну, Гринев отказался давать объяснения, почему он ездил с Пугачевым в Белогорскую крепость. Он заявил, что держится «первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать» не может.

На том следствие и суд кончились. Через несколько недель Гринев-отец получил из Петербурга письмо от своего родственника князя Б., который и сообщал о приговоре суда. Князь писал: «...Подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была меня постигнуть...»

Итак, Гринева осудили по подозрению в измене, в «участии в замыслах» Пугачева, осудили на основании ложного доноса. Я подчеркиваю: формула приговора — «участие в замыслах бунтовщиков» — основана на показаниях Швабрина, что Гринев был у Пугачева шпионом, что он изменил присяге и служил самозванцу. Пушкин не только раскрывал глубокую несправедливость царского суда, но еще и связал во едино ложный донос Швабрина и действие судей; грубая клевета подлого человека и предателя оказалась облаченной в форму приговора суда. Как же можно заявлять, что суд осудил Гринева справедливо?

Несправедливость и неосновательность судейских подозрений Гринева оттенена Пушкиным в специально написанном эпизоде, в котором рассказывалось об отношении Гринева-отца к аресту своего сына. Военный, требовательный к себе человек и дворянин с развитым чувством чести, он, узнав об аресте, немедленно начал свое «следствие»: допросил свидетелей событий — Марью Ивановну и Савельича.

«Слух о моем аресте поразил всё мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего

цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей».

Пушкин сознательно противопоставляет справедливое следствие, проведенное премьер-майором, несправедливому царскому суду. Не замечать этого противопоставления мы не имеем права. «Страшное знакомство» своего сына с Пугачевым не беспокоило строгого отца, «но еще и рассмешило». Приглашение на «пиршку» к Пугачеву — не преступление (угостил же Грипев Пугачева стаканом вина!). И это действительно так. Пушкин настойчиво подчеркивает мысль, что *преступлением, заслуживающим наказания, является измена*. Но «батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте». Не верил и был прав в своем доверии сыну — тот не служил Пугачеву.

Тем горше было полученное известие о приговоре суда. «Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче?»

Несправедливость решения суда Пушкин не только обосновал, но и наглядно это продемонстрировал. Оно противоречило фактам, опровергалось свидетелями Марьей Ивановной и Савельичем, невозможностью Гринева-отца поверить в измену своего сына и, наконец, его страданием, причиной которого был оговор сына.

Вот этот несправедливый приговор и попадает к Екатерине II. Вывод исследователя, — что «как глава дворянского государства Екатерина II должна осуществить правосудие и, следовательно (?! — Г. М.), осудить Гринева», — вызывает удивление. Почему это монарх, осуществляя правосудие, осуждает по доносу и оговору, а не пытается восстановить справедливость? Ответа на этот вопрос нет. Екатерина II действительно подтверждает несправедливый приговор. В этом акте

уже начало ответа на вопрос, зачем Пушкин ввел в роман образ Екатерины II: самодержавию по природе чужда справедливость. А в действиях Пугачева нет ничего подобного: Пугачев проявляет милость к Гринеvu и сироте Маше Мироновой. И это было глубоко справедливым актом.

Однако ведь Екатерина II не только утверждает несправедливый приговор, она еще, по мнению многих исследователей, проявляет милость: из уважения к заслугам и преклонным летам Гринева-отца она отменяет казнь сына и отправляет его в Сибирь на вечное поселение. Какая же это милость — сослать в Сибирь безвинного человека? Но такова, по Пушкину, «милость» самодержцев, коренным образом отличающаяся от милости Пугачева, она противоречит справедливости и является на самом деле произволом монарха. Нужно ли напоминать, что Пушкин на своем личном опыте уже знал, к чему сводится милость Николая I. С полным основанием он писал о себе, что был «милостью окован». Естественно, нет в подобной милости человечности. Жаль, что об этой реальной «милости» Екатерины II исследователь «забывает» и не упоминает о ней в своей статье.

Соответствует подобной «милости» Екатерины II стилистика образа императрицы. Еще в 1937 году Виктором Шкловским было сделано тонкое наблюдение: «Пушкин дает Екатерину по портрету Боровиковского. Портрет относился к 1791 году, был обновлен в памяти гравюрой Уткина в 1827 году. Эта гравюра ко времени написания «Капитанской дочки» была у всех в памяти. На портрете Екатерина изображена в утреннем летнем платье, в ночном чепце; около ее ног собака; за Екатериной деревья и памятник Румянцеву. Лицо императрицы полно и румяно»¹.

Тем, что Пушкин воссоздавал в романе черты императрицы, запечатленные Боровиковским, подчеркивалась официальная «версия» портрета. Более того, Пушкин демонстративно отказывался от своего личного восприятия императрицы и давал читателю копию с копии. Боровиковский рисовал с живой натуры. Пушкину было достаточно представить копию с высочайше

¹ Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков, М., 1953, с. 64.

одобренного портрета. Он изображал не живую модель, но мертвую натуру. Екатерина II в романе — не образ живого человека, а «цитата», как остроумно заметил Шкловский. От этой вторичности — холод, окружающий Екатерину в пушкинском романе. «Свежее дыхание осени» уже изменило лик природы — листья лип пожелтели, императрица, выйдя на прогулку, надела «душегрейку». «Холодно» лицо ее, — «полное и румяное», оно «выражало важность и спокойствие». С той же холодностью связано и «строгое выражение лица», появившееся во время чтения прошения Маши Мирановой. Это даже подчеркнуто авторской ремаркой: «Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом». Холодность и в поступках Екатерины: она затевает «игру» с Машей, выдавая себя за даму, близкую ко двору, — она играет, а не живет.

В таком изображении Екатерины II вскрывается намерение Пушкина противопоставить образу Пугачева, «мужицкого царя», образ правящей императрицы. Отсюда контрастность этих двух фигур. Милости Пугачева, основанной на справедливости, противопоставлена «милость» Екатерины, выражавшей произвол самодержавной власти.

Эту контрастность, как всегда, остро, художнически осознавала и воспринимала Марина Цветаева: «Контраст между чернотой Пугачева и ее (Екатерины II. — Г. М.) белизной, его живостью и ее важностью, его веселой добротой и ее снисходительной, его мужичеством и ее дамством не мог не отвратить от нее детского сердца, едино-любивого и уже приверженного „злодею“».

Цветаева не просто излагает свои впечатления, — она анализирует роман и тщательно аргументирует свой тезис о контрастности изображения Пугачева и Екатерины II и отношении Пушкина к этим антиподам: «На огневом фоне Пугачева — пожаров, грабежей, метелей, кибиток, пиров — эта в чепце и душегрейке, на скамейке, между всяких мостиков и листиков, представлялась мне огромной белой рыбой, белорыбицей и даже несоленой. (Основная черта Екатерины — удивительная пресность.)».

И далее: «Сравним Пугачева и Екатерину въяве: «Выходи, красная девица, дарю тебе волю. Я государь. (Пугачев, выводящий Марью Ивановну из темницы)»,

«Извините меня,— сказала она голосом еще более ласковым,— если я вмешиваюсь, но я бываю при дворе...»

Насколько царственнее в своих жестах мужик, именующий себя государем, чем государыня, выдающая себя за приживалку».

Ю. М. Лотман прав, когда возражает против грубо прямолинейного определения взгляда Пушкина на Екатерину II. Конечно, Пушкин не создавал отрицательного образа Екатерины, не прибегал к сатирическим краскам. Но противостояние Пугачева и Екатерины II нужно Пушкину, такая композиция позволяла ему обнажать важные истины о природе самодержавия. Особенности изображения Пугачева и Екатерины II позволяют понять, на чьей стороне симпатии Пушкина. «Любит ли Пушкин в «Капитанской дочке» Екатерину?» — спрашивала Цветаева. И отвечала: «Не знаю. Он к ней почтителен. Он знал, что все это: близна, доброта, полнота — вещи почтенные. Вот и почтил»¹.

Окончательный ответ на вопросы, зачем Пушкин ввел в роман образ Екатерины и как изобразил ее, дает последняя сцена — встреча Маши Мироновой с императрицей в Царскосельском саду. Здесь читатель узнает истинные причины, по которым Екатерина признала Гринева невиновным. Но сцена эта важна не только для понимания образа Екатерины: во время свидания окончательно раскрывается характер капитанской дочки и завершается любовная линия романа, поскольку именно Маша Миронова отстояла свое счастье.

3

Для понимания этой принципиально важной сцены нужно помнить, что она написана с расчетом на эффект присутствия читателя: Марья Ивановна, например, не знает, что беседует с императрицей, а читатель уже догадывается; «дама» обвиняет Гринева в измене, но читатель отлично знает, что обвинение это ни на чем не основано. Этот прием Пушкин счел нужным обнаружить: в решительный момент беседы он сооб-

¹ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967, с. 133—134, 135.

щает: Маша Миронова «с жаром рассказала всё, что уже *известно* (курсив мой. — Г. М.) моему читателю».

Итак, Марья Ивановна, отвечая на вопрос «дамы», сообщает ей о причине своего приезда в столицу. При этом благосклонность собеседницы к неизвестной девушке энергично мотивирована: «дама» узнает, что перед ней сирота капитана Миронова, верного императрице офицера. («Дама, казалось, была тронута».) В этом состоянии она и читает прошение Маши.

Пушкин создает еще одну чрезвычайную ситуацию, поручая Гриневу запротоколировать (со слов Маши Мироновой) все происходившее: «Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменилось,— и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному».

Пушкину очень важно подчеркнуть мысль, что, даже надев маску частного человека, Екатерина не оказывалась способной смирить в себе императрицу. «Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй».

Отповедь «дамы» полностью подтверждает принципиально несправедливое правосудие императрицы. Утверждение приговора императрицей Екатериной II и безапелляционно оскорбительное объявление «дамой» (частным человеком) Гринева «вредным негодяем» находятся в одном ряду. Пушкин сознательно уравнивает действия императрицы и «человека».

Свидание Марьи Ивановны с Екатериной II достигает — после этой отповеди «дамы» — кульминации: капитанская дочка из робкой и смиренной просительницы превращается в отважную защитницу справедливости, беседа становится поединком.

«— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу».

Горячо воскликнув: «Неправда!» — Маша «с жаром рассказала» все, что уже было известно читателю.

Знающий истину читатель не случайно здесь упомянут — он призван быть свидетелем, перед которым

императрица оказалась принужденной держать ответ. Что ей оставалось делать? Настаивать на несправедливом своем приговоре? Но в создавшихся условиях это выглядело бы проявлением безрассудного деспотизма. Подобное изображение Екатерины противоречило бы правде истории. И Пушкин не мог пойти на это. Ему же важно было другое: показать сначала несправедливость осуждения Гринева и демагогического по существу помилования его Екатериной II, а потом — вынужденное исправление ею своей ошибки.

Марью Ивановну вызывают во дворец. «Дама», представшая уже в образе императрицы Екатерины II, сказала: «Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха». Заявление это примечательно. Сама Екатерина II признается, что она *освобождает Гринева потому, что он невиновен*. А его невинность доказана Машей Мироновой, и эта истина подтверждена читателем. Поэтому исправление ошибки не есть милость. Милость Екатерине II приписали пушкинисты. В действительности честь освобождения невинного Гринева принадлежит капитанской дочке. Она не согласилась не только с приговором суда, но и с решением Екатерины II, с ее «милостью». Она отважилась поехать в столицу, чтобы опровергнуть аргументы императрицы, осудившей Гринева. Наконец, она смело бросила «даме» дерзкое слово — «Неправда!»

Маша Миронова вступила в поединок и выиграла его. Приписывая «милость» Екатерине II, исследователи обедняют образ капитанской дочки, отнимая у нее главный в ее жизни поступок. Она в романе была «страдательным» лицом, верной дочерью своего отца, усвоившей его мораль покорности и послушания. «Чудные обстоятельства» не только подарили ей счастье соединения с любимым — они обновили ее душу, ее жизненные принципы.

Впервые у Пушкина появилась героиня, борющаяся за счастье. И борьба эта была лишена эгоистического начала, как у Дуни Выриной (предавшей своего отца) в «Станционном смотрителе». Потому Пушкин и назвал свой роман именем Маши Мироновой — «Капитанская дочка».

Несомненно, когда Пушкин исследовал «русский бунт», он думал и о недавнем восстании декабристов. Это восстание тоже закончилось трагически. Но дело

декабристов воистину не пропало. Они не только завещали будущим поколениям борьбу с самодержавием и рабством. Своей героической жизнью они утвердили высокий идеал человека.

Борьба декабристов способствовала обновлению многих душ. Это обновление беспримерно проявилось в подвиге жен декабристов, который долгие годы будет служить примером истинно человеческого поведения в труднейших обстоятельствах. Пушкин высоко ценил отвагу слабых женщин, вступивших в поединок с Николаем I. Обобщение этого опыта помогло ему создать образ Капитанской дочки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕАЛИЗМ РОМАНА

Символические образы

1

Родовым признаком реализма является его способность правдиво воспроизводить типические характеры в типических обстоятельствах. Реализм впервые в истории искусства стал объяснять человека условиями его жизни. К началу XIX века само понятие — «обстоятельств» — приобрело новое, конкретное и определенное, содержание. Оттого объяснять человека — значило показывать обусловленность характера обстоятельствами социального, национального и исторического бытия.

Историзм и социологизм мышления Пушкина-реалиста помогли ему, как мы видели, понять условность любовного сюжета в исторических романах Вальтера Скотта и обнаружить в изображаемой им эпохе народную борьбу как «главную двигательницу» событий (Н. Г. Чернышевский). Реализм делал возможным воссоздание эпохи во всей ее исторической истине.

В 1830-е годы Пушкин обогатил реализм новым фундаментальным открытием — диалектической взаимосвязью обстоятельств и человека: среда, утверждал он, не всемогуща, человек может противостоять ей. Иначе он станет жертвой обстоятельств, покорно и смиренно принимающей все удары судьбы. Это открытие подтверждал опыт истории: между угнетенными и угнетателями существуют антагонистические отношения, тяжесть порабощения неминуемо рождает бунт и протест.

Пушкин в эти годы, объясняя человека условиями его социальной жизни, стал показывать не только влияние среды на человека, но и его способность восставать против враждебных ему условий жизни. В протесте,

в бунте осуществлялось воспитание человека. Мятежность делала его свободным в рабской стране, вселяла веру в собственные силы, «выпрямляла» личность, наполняла ее чувством собственного достоинства¹. Этот обновленный реализм проявил себя в «Капитанской дочке» в изображении народа, в создании образа Пугачева.

«Капитанская дочка» — не только исторический роман, написанный реалистом, это и роман психологический. Пушкинский психологизм аскетичен, но он играет важную роль в раскрытии характеров, в выявлении идейного богатства исторического повествования. Психологизм проявляется в сложных, противоречивых поступках героев, в диалогах, в гриневских описаниях поведения человека в определенных ситуациях, в прямых размышлениях мемуариста о своих чувствах и поступках.

В центре психологического исследования — Гринев и Пугачев.

Мемуарная форма романа позволяла Пушкину использовать самораскрытие героя. Мы узнаем о думах Гринева, о его тревоге по поводу противоречивости своего поведения — дворянин вступает в «странные приятельские» отношения с Пугачевым и даже испытывает к нему симпатию.

«Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба, и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспомнил об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызвался быть избавителем моей любезной». Размышления Гринева передают нам неосознаваемое им стремление найти оправдание Пугачеву, отсюда эти знаменательные слова — «опрометчивая жестокость».

Приведу еще пример. Гринев в конце романа описывает свое состояние, когда уже стало известно о полном разгроме Пугачева: «Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою; — зачем не наткнулся ты на штык

¹ Об этом подробнее см. в кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 241—313.

или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нем перазлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты от рук гнусного Швабрина».

Психологический анализ душевного состояния Гринёва, вскрывая искренность и человечность мемуариста, укреплял доверие к его рассказу, увлекал читателя в открытый им мир духовной жизни мятежника, заставляя отказываться от официального представления о Пугачёве. Этот мир раскрывался прежде всего в психологически напряженных столкновениях Гринёва и Пугачёва.

Вспомним сцену помилования Гринёва Пугачёвым. Освобожденный от виселицы, Гринёв должен присягнуть самозванцу. Создается драматическая ситуация. О своих переживаниях Гринёв рассказал довольно подробно. Он не в состоянии поцеловать руку Пугачёва. Но Пугачёв терпеливо ждет исполнения обряда. Что думает самозванец? Гринёв не сообщает об этом — Пушкин не допускает, чтобы Гринёв говорил о том, чего он знать не может. Как же в данном случае поступает Пушкин?

Чаще всего он в жесте, в мимике, в движении, в поступке обнаруживает перед читателем скрытый мир внутренних чувств и переживаний героя. И в данном случае он как будто бы прибегает к своему приему. Описывается многозначительная пауза — Пугачёв сидел с протянутой для поцелуя рукой, Гринёв стоял перед ним на коленях...

Пугачёв нарушил напряжение, разрядил грозную ситуацию — опустил руку, усмехнулся, сказал, чтобы Гринёва подняли... Но Пушкин не ограничивается на этот раз изображением жестов и движений. Он открывает еще новую возможность проникновения в тайный мир сокровенных чувств — возможность *угадывания* читателем состояния героя. Для этого нужно создать условия, чтобы читатель мог догадаться, что думает, как переживает человек то или иное событие. И в данном случае эти условия созданы. Мы не можем не радоваться за исход столкновения двух волей, двух убеждений, не можем не чувствовать благодарности к Пугачёву за его поступок, ибо мы догадываемся

о нравственном такте Пугачева, о его благородстве, уме и доброте.

Прием угадывания в остро конфликтных ситуациях используется на всем протяжении романа. Психологически интересен эпизод обнаружения Швабриным гриневского обмана. Обратившись к Пугачеву с просьбой спасти сироту, Гринев сознательно обманывает его, не говоря, что сирота — дочь повешенного капитана Миронова. Швабрин обличает Гринева в том, что он солгал Пугачеву. Вновь создается взрывоопасная ситуация.

«Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. — Это что еще? — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачев, у которого лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачев».

Нам не сообщается, что чувствовал Пугачев, узнав о лжи и обмане Гринева. Но диалог, но интонации говорящих, но внешние признаки переживания Пугачева так выразительны, что мы догадываемся о душевной буре самозванца. Пушкин обозначает три момента психологического состояния Пугачева: узнав о лжи Гринева, он устремил на него «огненные свои глаза...» Он гневен и ждет разъяснения. Гринев подтверждает — да, обманул, солгал. И у Пугачева «лицо омрачилось». Нельзя не догадаться, что чувствует оскорбленный Пугачев, — его грубо обманывает человек, которому он верит, которого полюбил, которому с открытым сердцем делал добро. Но Гринев объясняет свой обман страхом, что товарищи Пугачева не пощадили бы любимую им девушку. И умный, душевно деликатный Пугачев понимает справедливость его поступка — он засмеялся.

Создавая психологически острые конфликты, Пушкин принуждал читателя самого убеждаться в благородстве, доброте, человечности самозванца. Неожиданность открываемого духовного мира мятежника,

обаяние его личности, невольная симпатия к делам, поступкам и думам Пугачева и рождали ту «чару», по словам Цветаевой, которая завораживает читателя.

Психологизм помогал Пушкину раскрывать природный ум обновленного в процессе восстания Пугачева. При этом Пушкин нередко прибегал к контрастному сопоставлению Пугачева и Гринева. В этом плане характерна беседа в кибитке по дороге в Белогорскую крепость. Пугачев, желая увлечь Гринева в иную жизнь, искренне и с «диким вдохновением» рассказывает калмыцкую сказку, завершив ее торжествующим восклицанием: «Какова калмыцкая сказка?»

Как же реагирует на это проявление душевной щедрости Гринев? Чем обернется для него это испытание? Что ответит? Предоставим слово Гриневу: «Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину». Читателя не может не поразить примитивность мышления Гринева, убийственная прозаичность его представлений о жизни, его неспособность понять глубокий поэтический смысл сказки, его невпазд и не ко времени высказанное правоучение.

Присзошло столкновение двух сознаний, двух характеров, двух уровней нравственности и возникла оглушающая читателя пауза. Пугачев замер, пораженный услышанным. Гринев записал его реакцию: «Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути...»

Читатель не мог не угадать скорбной мысли Пугачева — посмотрел же он «с удивлением» на Гринева. Читателя тоже удивляла подобная реакция (по замыслу Пушкина, читатель всегда «догадливее» мемуариста-рассказчика!) на поэтический рассказ Пугачева. Контрастность идеалов мятежника и дворянина, столкновение различных представлений о жизни требовали ответа: кто же прав? Пушкин заставлял читателя самостоятельно, обращаясь к калмыцкой сказке, решать, на чьей же стороне правда — орла или ворона, Пугачева или Гринева?

Историзм и реализм помогли Пушкину понять закономерность народной борьбы за свободу и открыть трагедию «русского бунта»: ни в прошлом, ни в настоящем он не приводил к победе и кончался страшным поражением восставших. Какова же судьба будущей революции? На этот вопрос ни история, ни современность ответа не давали. Но роман, художественно исследовавший самый крупный в русской истории «бунт», не мог проповедовать идею бессмысленности борьбы за свободу. История для Пушкина не была царством случайностей. Опыт французской революции свидетельствовал о поступательном ходе истории, о торжестве прогресса, о подрыве устоев того режима, который держался на открытом угнетении народа. Великая крестьянская война, возглавлявшаяся Пугачевым, — это исторически оправданная и важнейшая в истории России акция народа. Социальная активность народа должна быть понята и исторически справедливо оценена.

По другим причинам не смогло победить восстание декабристов, но и их дело не пропало. Пушкин верил в торжество свободы. Обращаясь к ссыльным декабристам, он писал: «Оковы тяжкие падут, Темницы рухнут — и свобода Вас примет радостно у входа, И братья меч вам отдадут». В конце 1830-х годов эта вера еще более окрепла.

Утопизм был чужд реалистическому мышлению Пушкина. Споря с Полевым по насущным вопросам истории, он писал: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик; он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения...» Ум писателя-реалиста, его историческое мышление позволяли не только видеть, но и понимать общий ход вещей. Потому он мог делать такие «предположения», которые бы позволяли угадывать будущее.

Литература реалистическая, по словам Щедрина, провидит законы будущего. Оттого, указывал он, Пушкина отличает стремление «проникнуть в тайности современности»¹. Как же художественно, поэтически

¹ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 14. М., 1937, с. 460.

можно было осуществить это проникновение «в тайности современности», скрывающей семена будущего?

Динамизм развития — имманентная особенность пушкинского реализма; он существовал и проявлял себя в постоянном изменении и обновлении. Последним актом его обогащения явился роман «Капитанская дочка». Пушкин открыл способность и возможность реализма использовать фантастическое и символическое начало в исследовании действительности и в познании тенденций ее исторического развития.

Искусство прошлого наглядно свидетельствовало об огромной роли символических образов в познании жизни и раскрытии ее тайн. Символичны библейские образы — и Пушкин использовал их в своих произведениях. Еще в юности его воображение было покорено символикой сказки и народных поверий. Особенно волновала его народная вера в сны и разгадывание их пророческого смысла. Сон, с его символикой, использовал поэт в «Борисе Годунове» и романе «Евгений Онегин».

Но свойственно ли символическое начало реализму? Достоверность изображения жизни, точность в передаче чувств, мыслей, поведения, душевных переживаний реального, действительного человека, предметность и конкретность быта, сочетающиеся с раскрытием социальной, исторической и национальной обусловленности героя; и вдруг — символические образы? Не противоречат ли они самому художественному методу реализма, с его обнаружением поэзии и истины в самом действительном мире?

Пушкин был первым, кто не только ответил на этот вопрос положительно: не противоречит, — но и показал органичность символического (и фантастического) начала для реализма. Весь вопрос только в том, чтобы символические образы как бы прорастали из самой жизни.

Всякий художественный образ в известной мере символичен. Символическое начало расширяет познавательные потенции образа. Сохраняя предметность, опору на реальность, он в то же время обретает способность освещать неведомое. Символизм придает образу многозначность, глубину, возможность высветить скрытый важный, а иногда и тайный смысл явления.

Символический образ как бы приоткрывает завесу, скрывающую от нас мир незнаемого.

Чем больше Пушкин размышлял о будущем России, о революции, о «русском бунте», о нарастающем отпоре насилию, тем больше испытывал нужду в символических образах, в постижении хотя бы контуров этого незнаемого мира. Символические образы мы обнаруживаем в поэме «Медный всадник» и повести «Пиковая дама». Огромна идейная роль символических образов и в реалистической структуре «Капитанской дочки».

Прежде всего следует подчеркнуть, что символическое начало Пушкин связывает только с образом Пугачева. Поэтическое в нем сливается с символическим. И то и другое нужно Пушкину для глубокого познания обновленной в жестокой борьбе личности простого казака, ставшего вождем крестьянской войны, крупным историческим деятелем, символом «русского бунта».

В «Историю Пугачева» Пушкин внес многозначительный ответ Пугачева на вопрос допрашивавшего его генерала Панина: «Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает». Ответ — поэтический, исполненный символического значения, в нем отразилась народная вера в неминуемость новых восстаний, которые не могут не победить. Познание Пугачева было одновременно и познанием революционности народа, познанием закономерности этой революционности и одновременно ее трагического характера.

Поэтическое и символическое в своей слитности выступают в романе при первом же появлении Пугачева, при первом знакомстве с ним читателя. Гринев едет в Оренбург. Зная, что в этих местах часто случаются опасные бураны (бывали случаи, когда метели заносили целые обозы), и, невзирая на приметы приближающейся метели, он приказывает ехать. Как и предвидел ямщик, их настигла беда: «В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем». Дорогу занесло снегом, кони, сбившиеся с пути, стали.

Все в этом будничном описании достоверно и конкретно. Так же реальна случайная встреча с появившимся из метели «добрым человеком». Естествен вопрос, заданный ему ямщиком: «Скажи, не знаешь ли где дорога?» Ответ знающего эти места прост: «Дорога-

то здесь; я стою на твердой полосе...» «Дорожный» выручает из беды, выводит заблудившихся к жилью. Вся сцена выписана в строго реалистических тонах, действия и поступки ее участников мотивированы обстоятельствами.

И в то же время образ метели в этой сцене лишен однозначности, многое в нем символично. Многозначность не проявляется сразу, она не дана, но она способна появиться, сформироваться позже. Постигновение символики всегда требует от читателя напряжения, усилий его воображения и мысли. В данном случае особый, тайный смысл символического образа метели выступит, станет очевидным и явным после того, как читатель познакомится со всем романом и, обогащенный знанием, мысленно вернется к этому образу. Так, написанный симпатическими (бесцветными) чернилами, текст проступает после его нагревания.

Метель — грозное проявление стихии природы — станет выражать и глубокий смысл могучей стихии народного мятежа, крестьянской войны за вольность. Пугачев, вышедший из метельной тьмы, не поверженный стихией (он не потерял дорогу), так же свободно будет жить и действовать в стихии восстания. Природная стихия как-то чудесно соотносится со стихией народного мятежа. Эта чудесная сила — символический образ.

В то же время просвечивает через этот образ и враждебный дворянству характер стихии — Гринев заблудился. В поэме «Медный всадник» показано буйство стихии наводнения. Наводнение соотнесено с бунтом Евгения и народным мятежом. Царя Александра Пушкин заставляет признать: «С божией стихией царям не совладать». Тот же смысл включает в себя и символический образ метели в «Капитанской дочке».

Пугачев вошел в роман поэтически — из «тайного места», из метели. Прозаический его разговор с ямщиком обретает вещий смысл. Незвестный из метели обобщается человеком, знающим дорогу, способным выручить из беды. Читатель еще не знает, что это Пугачев. А когда узнает — он вернется к этой сцене, и тогда-то откроется для него глубокое значение ночного разговора Гринева с Пугачевым.

Гринев вначале называет неизвестного «дорожным», «мужичком», ямщик — «добрым человеком». По при-

езде на постоянный двор Гринев спрашивает Савельича: «Где же вожатый?» При прощании Гринев, благодаря за оказанную помощь, называет своего спасителя «вожатым». Реальное содержание слова «вожатый» — однозначно: проводник. Намерение писателя придать Пугачеву символическое значение образа вожатого реализовано было в названии главы. В нем, как в фокусе, собирался тайный, глубокий смысл образов метели и человека, который знает дорогу. Заглавие подчеркивало возможность превращения однозначного слова в многозначный образ. Незвестный был вожатым потому, что вывел Гринева из метели к жилью. Но незвестный окажется Пугачевым, а обстоятельства сложатся так, что он станет вожатым того же Гринева в грозной метели восстания. Сквозь многозначный образ начинало просвечивать скрытое до времени, тайное и громадное значение человека, который может быть Вожатым с большой буквы.

3

Совершенно особую роль в романе играет сон Гринева, который он видит сразу же после первой встречи с вожатым-Пугачевым. Незученность реализма Пушкина 1830-х годов приводит к тому, что символическое начало в нем игнорируется, не припимается в расчет при анализе произведений, в частности «Капитанской дочки». Введение сна Гринева объясняется как предваряющая события информация: Пушкин-де предупреждает читателя, что будет с Гриневым дальше, как сложатся его отношения с Пугачевым.

Подобное толкование противоречит самому принципу повествования Пушкина — с его краткостью и лаконизмом, динамически развивающимся сюжетом. Да и зачем, спрашивается, дважды повторять одно и то же: сначала во сне, а потом в реальной жизни? Правда, сон в известной мере наделен и функцией предсказания последующих событий. Но это «предсказывание» нужно совершенно для особых целей: Пушкину необходимо заставить читателя при встрече как бы со знакомыми фактами возвращаться к сцене сна. Об этой особой роли возвращений будет сказано позже. Важно помнить при этом, что увиденный сон — вещий,

пророческий: об этом предупреждает читателя сам Гринев: «Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни». Давний сон свой Гринев помнил всю жизнь. И читатель должен был его помнить все время так же, как Гринев, «соображать» с ним все случившееся с мемуаристом во время восстания.

Подобное восприятие символического смысла сна обуславливается многовековой народной традицией. Исследователь сновидений в народных верованиях справедливо писал: «С самых древних времен человеческий ум видел в сновидениях одно из наиболее действительных средств для того, чтобы приподнять таинственную завесу будущего». Вещие, пророческие сны, пишет тот же исследователь, опираясь на богатейший материал наблюдений, «никогда не забываются человеком до тех пор пока не сбудутся»¹. Пушкин знал эти верования. Оттого Гринев и не забывал свой вещий сон. Не должен был его забывать и читатель.

Какой же сон видел Гринев?

Ему спилось, что он вернулся домой: «...Матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». — Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Всё равно, Петрушка, — отвечала мне матушка, — это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит»...»

¹ Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях. — «Живая старина», 1894, вып. 4, с. 208, 241.

Обратим внимание на подчеркнутую реальность событий сна и действующих лиц — все буднично, ничего символического в описанной картине нет. Она скорее нелепа и фантастична, как это часто и происходит в снах: в отцовской постели лежит мужик, у которого надо просить благословения и «поцеловать ручку»... Символическое в ней будет проступать по мере знакомства читателя с сюжетным развитием романа — тогда родится догадка, что мужик с черной бородой похож на Пугачева, что Пугачев так же ласков был с Гриневым, что это он устроил его счастье с Машей Мироновой... Чем больше узнавал читатель о восстании и Пугачеве, тем стремительнее росла многогранность образа мужика из сна, все отчетливее выступала его символическая природа.

Это становится особенно наглядным в заключительной сцене сна. Гринев не хочет исполнить просьбу матери — подойти под благословение мужика. «Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: „Не бойсь, подойди под мое благословение...“»

Мужик с топором, мертвые тела в комнате и кровавые лужи — все это уже открыто символично. Но символическая многозначность проявляется от нашего знания о жертвах восстания Пугачева, о многих мертвых телах и лужах крови, которые увидел Гринев позже — уже не во сне, а наяву.

Колоссальный образ чернобородого мужика с топором — это обобщенный поэтический образ могучего народного характера. Обобщенный — хотя он и дан в начале романа, до нашего знакомства с Пугачевым. Объясняется это особой природой символического образа — он лишен статики, Пушкин наделил его способностью «самостоятельно» жить во времени, развиваться, представлять в своей многозначности. Замечательно, что роман завершился кровавой сценой, написанной уже самим Пушкиным — издателем мемуаров Гринева. Опираясь на «семейственные предания», он писал, что Гринев «присутствовал при казни Пуга-

чева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу».

Реальная сцена казни Пугачева не может не вызывать в памяти образа чернобородого мужика с топором. И, странное дело, казнь не воспринимается как возмездие, наоборот, она наполняет особым волнующим смыслом образ из гриневского сна — этому помогает калмыцкая сказка! Пугачев знал, что ждет его, и шел безбоязненно по избранной дороге. Соотнесенность с Пугачевым объясняет появление пронзительного по своей идейной неожиданности оксюморона — *ласковый мужик с топором*! Читатель наполняет этот образ содержанием, приобретенным в процессе знакомства с Пугачевым. «Ласковость» Пугачева к Гриневу и Маше Мироновой создает ему особый ореол. Оттого «ласковость» мужика с топором не кажется читателю страшной и странной.

И, наконец, это слово мужика — «Не бойсь!..», поражающее сначала своей как бы абсурдностью: ну как же не бояться человека с топором, которым он машет, наполняя комнату трупами? Нельзя не бояться такого мужика! Но возвращение читателя к сцене сна во всеоружии знания Пугачева кардинально обновляет смысл этого слова. Ведь все отношения Пугачева с Гриневым и строятся на том, что он ласково убеждал его не бояться восстания — затем и калмыцкую сказку рассказывал, и уговаривал перейти к нему («послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья...»).

Вещие сны человек помнит всю жизнь, и особенно остра память в период ожидания исполнения этого сна. Притягательная, гипнотизирующая сила символического сна такова, что читатель не может забыть его. Образ мужика с топором, сливаясь с поэтическим образом Пугачева, становится глубоко содержательным символом романа — в нем, как в накрепко сжатой пружине, сконцентрирован идейный смысл «Капитанской дочки».

Народу принадлежит огромная роль в истории. Даже когда он «безмолвствует», видна зреющая в нем энергия будущих мятежей. Восстание высвобождает и развивает громадные и грозные силы. Но стихия

бунта неуправляема и в то же время закономерна. Жестоко подавленный в одном случае и в одном месте, бунт вспыхивает вновь и вновь — Ворон мятежа летает, не зная устали... Нельзя без народа решать судьбу России. И мужик с топором в пушкинском романе выражал надежды и представления этого народа.

Мы видим — символика образа многозначна. И одно из значений помогает поэтическому преодолению трагедии русского бунта. Борьба народа за свободу справедлива, она беспощадна, но не бессмысленна и не бесполезна. Мужик с топором кличет Гринева — «подойди под мое благословение...» Гринев не подошел: «Ужас и недоумение овладели мною», признается он читателю. Нет, еще не скоро осознается истина, открытая Пушкиным. Возможность решения рокового конфликта таится в будущем.

Символично и слово ласкового мужика с топором — «Не бойсь!..» Зная роман, мы понимаем парадоксальную справедливость этого призыва: Гриневу действительно нечего было бояться Пугачева — он делал ему только добро. Но есть и другой, более глубокий смысл в этом призыве: революция — это не только кровь, жертвы и жестокость, но и торжество человечности. Читателю трудно не поверить мужику — ведь он сам видел проявление этой человечности в ходе восстания. И мы понимаем, зачем выбрал это слово мужик, как оно содержательно, какая устремленность в будущее ему свойственна.

«Капитанская дочка» оказалась завещанием Пушкина. Открывая читателю свою выстраданную правду о русском народе и русском бунте, писатель как бы призывал задуматься над коренными вопросами социального развития России, будущей революции и будущей судьбы народа.

Политические убеждения Пушкина обусловлены временем, и потому он не мог принять идеи крестьянской революции. Но художественные произведения Пушкина никогда не были иллюстрацией его политических взглядов. Пушкин-художник глубже понимал и прошлое и будущее родины. Об этом в свое время

хорошо писал Б. В. Томашевский. «Замечательно, что сочувствие крестьянской революции не вытекало непосредственно из системы политического мышления Пушкина, который был либеральным последователем Монтескье, Вольтера, Бенжамена Констана и Сталь и сам неоднократно высказывался за умеренную конституцию английского типа.

Но с его программными взглядами боролись глубокое историческое чутье и инстинкт художника, проникавшие в истинный смысл „судьбы народа“»¹.

¹ Томашевский Б. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). М.—Л., 1964, с. 150.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Купреяпова Е. Н. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л., 1947.
- Лотман Ю. М. Идейная структура «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962.
- Петров С. М. Исторический роман А. С. Пушкина. М., 1953.
- Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974.
- Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1964 (Издание в серии «Литературные памятники»).
- Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976.
- Томашевский Б. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). М.—Л., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Глава первая. История замысла романа	6
Глава вторая. Исторический роман нового типа	21
Глава третья. Народ	51
Глава четвертая. Любовь	76
Глава пятая. Реализм романа. <i>Символические образы</i>	92
Краткий список литературы	107

Макогоненко Г. П.

М 16 «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. — Л., «Худож. лит.», 1977. —

112 с. (Массовая историко-литературная библиотека).

В работе Г. П. Макогоненко исследуется история замысла «Капитанской дочки», жанровое и художественное своеобразие этого произведения А. С. Пушкина.

Читатель познакомится с новым взглядом на образы героев романа — Пугачева, Гринёва, Савельича, Маши Мироновой и других, а также узнает, в полемике с какими трактовками «Капитанской дочки» сформировалась оригинальная концепция ученого.

Книга рассчитана на массового читателя.

М $\frac{70202-080}{028(01)-77}$ БЗ-4-30-1977

8Р1

*Георгий Пантелеймонович
Макогоненко*

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А. С. ПУШКИНА

Редактор Т. Мельникова
Художественный редактор А. Гасников
Технический редактор М. Шафрова
Корректор Л. Никульшина

ИБ № 733

Сдано в набор 21/III 1977 г. Подписано в печать 27/VI 1977 г. М-23132.
Бумага типогр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 3,5 печ. л. 5,88 усл. печ. л.
5,409 уч.-изд. л. Заказ № 1170. Тираж 100 000 экз. Цена 20 к. Издатель-
ство «Художественная литература», Ленинградское отделение, 191186,
Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производственно-техническое объединение «Пе-
чатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Гатчин-
ская ул., 26.

84 33(6)
116
Г. П. МАКОГОНЕНКО

**«КАПИТАНСКАЯ
ДОЧКА»
А. С. ПУШКИНА**

